

ГЛАС: Наследи

nezees

18+

Genezees Genezees

АТЛАС: Наследие

<https://litres.ru/74132382>

SelfPub; 2026

Аннотация

2011 год. Программа «Наследие» дала первые плоды. Во главе тайной организации «Атлас» встаёт Аид — тактический гений, лишённый национальных предрассудков и готовый на всё ради одной цели: удержать мир от падения.

Но враг превосходит любые кошмары основателей. Теневой «Пантеон» заключил сделку с враждебной «Третьей стороной», для которой Земля — лишь инкубатор для сбора уникальной ДНК. Пока по планете бродят генетические супер-солдаты, в глубинах космоса собирается флот вторжения.

Чтобы спасти человечество от геноцида, Аиду придётся нарушить вековые уставы, пойти на сделку с демонами прошлого и возвести «Страж» — орбитальную крепость на краю Солнечной системы.

Тяжесть держит мир. Но кто удержит небо, когда враг спустится со звёзд?

Содержание

Глава 1 Тень над Саратовом	4
Глава 2 Протокол «Олимп»	25
Глава 3 Точка сингулярности	43
Глава 4 Архивы Бездны	63
Глава 5 Архитектор роя	79
Конец ознакомительного фрагмента.	93

АТЛАС: Наследие

Глава 1 Тень над Саратовом

Часть первая. Протокол «Слепое пятно»

Осенний Саратов не приветствовал гостей. *fine*, холодный дождь, моросивший с самого утра, превратил асфальт на улице Чернышевского в серое, блестящее зеркало, в котором отражались тусклые вывески и серые фасады дореволюционных зданий. Воздух пах мокрой листвой, речной сыростью, несущейся с Волги, и дешевым угарным газом от проезжающих «Газелей».

Андрей Королёв, известный в узких кругах как Аид, CID 0003, Директор Евразийского сектора «Атласа», шел по тротуару ровным, размеренным шагом. Его темп составлял ровно семьдесят сантиметров в секунду — идеальный ритм для наблюдения за окружающей средой без привлечения внимания. Ему было двадцать лет, но в его глазах не было ни юношеской легкости, ни наивности. Его взгляд, холодный и цепкий, сканировал пространство: витрины, отражения в лужах, крыши домов, лица прохожих.

Он не просто шел к родителям. Он проводил операцию по внедрению в собственную биографию.

Протокол конспирации уровня «Омега» требовал абсолютной чистоты маршрута. За последние сорок минут Аид

трижды менял направление, заходил в людные места — на почту, в сберкассу, в магазин электроники — чтобы проверить наличие «хвоста». Он использовал витрины как зеркала, считывая микродвижения людей позади. Никаких профессиональных хвостовщиков не обнаружилось. Местные уголовники, параноидальные соседи, случайные пьяницы — его мозг автоматически классифицировал каждую угрозу, присваивая ей цветовой маркер в сознании. Зеленый. Зеленый. Зеленый.

Он свернул во двор, пахнувший кошачьей мочой и сыростью из подвала. Здесь, в этом замкнутом пространстве, он позволил себе на долю секунды расслабить плечи. Но только на долю секунды. Мышечная память, вбитая в него годами тренировок в «Кузнице», не позволяла расслабляться полностью. Его тело оставалось идеальным инструментом, настроенным на убийство и выживание, даже когда он нес в руках пакет с пирожками и бутылкой коньяка, купленными в привокзальном магазине.

Он подошел к подъезду дома номер двенадцать. Третий этаж. Квартира тридцать две.

Аид достал ключи. Обычные, латунные, без каких-либо электронных чипов. Он вставил ключ в замок, но не повернул его. Сначала он прижался ухом к тяжелой металлической двери, слушая. Тишина. Только тихий звук работающего телевизора и приглушенный стук ножей о тарелки.

Он повернул ключ. Дверь скрипнула, открываясь в теп-

лый, пахнувший борщом и старыми книгами мир, который для остальной вселенной не существовал.

— Андрюша! — голос Татьяны Викторовны, его матери, прозвучал из глубины квартиры. В этом голосе было столько тепла и искренней радости, что Аид на мгновение почувствовал, как что-то сжимается в его груди. Это было опасно. Эмоции делали его уязвимым. Он мгновенно подавил эту реакцию, заперев ее в глубокий ментальный сейф, и на его лице появилась легкая, чуть смущенная улыбка обычного парня, который приехал домой к родителям.

— Привет, мам, — сказал он, переступая порог и закрывая за собой дверь.

Его отец, Сергей Николаевич, вышел из комнаты. Полковник ФСИН, человек, чье лицо было испещрено глубокими морщинами, а в глазах читалась усталость от десятилетий службы. Он посмотрел на сына, и в его взгляде Аид увидел то, что он не мог увидеть ни в одном из своих подчиненных: гордость, смешанную с тревогой.

— Ну, здравствуй, сынок, — Сергей Николаевич протянул руку, затем, не выдержав протокола, обнял сына. Его объятие было крепким, но Аид чувствовал, как отец слегка напрягается, ощущая неестественную, каменную твердость мышц сына. Андрей сознательно расслабил трапеции, делая свои объятия более мягкими, более «человеческими».

— Проходи, проходи, — суежилась Татьяна Викторовна, забирая у него пакет. — Ты совсем худой. На базе, что ли,

вас так кормят? Я же говорила, что в логистике лучше, чем в этих ваших экспедициях.

Аид чуть заметно усмехнулся. Легенда гласила, что он работает менеджером по логистике в крупной транспортной компании, часто ездит в командировки в отдаленные регионы. Эта легенда была безупречной: она объясняла его частые отсутствия, наличие денег и нежелание обсуждать детали работы.

— Кормят нормально, мам. Просто дорога утомляет, — ответил он, следуя за ней на кухню.

Он сел за стол, накрытый скатертью с вышитыми петухами. Перед ним поставили тарелку с дымящимся борщом, тарелку с черным хлебом и соль в хрустальной солонке. Аид посмотрел на эту еду. Его мозг, обученный анализировать химический состав веществ на молекулярном уровне, автоматически выдал: высокий гликемический индекс, наличие глутамата натрия, следы пестицидов в овощах. Он отключил эту аналитическую цепочку и просто взял ложку.

Вкус горячего, наваристого борща ударил в рецепторы, и на секунду Аид забыл о стерильных столовых «Атласа», о сухих пайках, о вкусе крови и пороха. На секунду он снова был просто Андреем, сыном, который сидит на кухне в Саратове.

Но эта секунда прошла. Он продолжил есть, тщательно контролируя каждый жест, каждое движение челюстей. Он знал, что его родители не видят в нем убийцу, директора тайной организации, человека, который в шестнадцать лет взял

на себя ответственность за безопасность целого континента. Они видели просто своего сына. И эта иллюзия была самой дорогой вещью, которую он мог им дать.

Часть вторая. Иллюзия нормальности

Ужин протекал в русле привычных, отработанных годами ритуалов. Сергей Николаевич рассказывал о своих подчиненных, о том, как один из молодых лейтенантов снова потерял служебный табельный пистолет, о том, что на зоне в Энгельсе снова начались бунты, которые приходится гасить, применяя силу.

Аид слушал, кивал, вставлял короткие, уместные реплики. Его мозг, однако, работал в фоновом режиме, анализируя слова отца. ФСИН. Тюрьмы. Бунты. Это была другая война, грязная, кровавая, но понятная. Сергей Николаевич не знал, что настоящая война идет не за зоны и не за территории. Она идет за самую биологическую суть человечества.

— А ты когда женишься, Андрюша? — спросила Татьяна Викторовна, подливая ему чаю. — Соседка тетя Валя спрашивает, не холостой ли ты. У нее племянница, Маша, в больнице работает, хорошая девочка.

Аид почувствовал, как уголки его губ дрогнули. Женитьба. Создание семьи. Для обычного двадцатилетнего парня это была бы логичная следующая ступень. Для него это было невозможным. «Атлас» не позволял привязанностей. Программа «Наследие» выжгла в нем способность к обычной любви, заменив ее холодной, всепоглощающей преданно-

стью Миссии. Он знал, что любая женщина, которую он подпустит к себе, станет либо мишенью, либо инструментом.

— Мам, я же говорю, работа такая. Ненормированный график. Командировки. Какая семья? — он постарался вложить в голос нотку искреннего сожаления.

— Работа, работа, — вздохнул Сергей Николаевич. — Мы тоже так думали. А потом смотришь — жизнь прошла. Ты хоть береги себя. Ты же знаешь, в этих экспедициях... в Сибири, на севере... там ведь не только медведи. Там люди разные попадаются.

Отец посмотрел на него внимательно. В его глазах мелькнуло что-то еще, кроме отцовской тревоги. Интуиция ветерана. Сергей Николаевич чувствовал, что его сын скрывает что-то большее, чем просто «тяжелую работу». Но он не мог даже предположить, насколько глубоко лежит эта тайна.

— Я берегу, пап. Все под контролем, — тихо ответил Аид. И это была правда. Его жизнь была под абсолютным, тотальным контролем. Каждая секунда, каждый вздох, каждая мысль были подчинены протоколам «Атласа».

После ужина они перешли в гостиную. Сергей Николаевич включил телевизор, где показывали новости. По телевизору говорили о росте ВВП, о новых международных договорах, о том, как страна уверенно смотрит в будущее. Аид смотрел на экран, видя между строк новостей то, что скрыто от обычных людей. Он видел, как «Пантеон» планомерно внедряет своих агентов в финансовые структуры, как

«Третья сторона» ведет свою невидимую игру, подготавливая почву для вторжения. Мир, который показывали по телевизору, был хрупкой декорацией, за которой готовилась буря.

— Смотри, какие беспорядки во Франции, — прокомментировал отец, кивнув на экран, где полиция разгоняла демонстрантов слезоточивым газом. — Хаос. Мир сходит с ума.

— Это не хаос, пап, — непроизвольно вырвалось у Аида. Он тут же скорректировал интонацию, делая ее более мягкой. — Это просто... социальные процессы. Люди недовольны.

— Какие процессы? — фыркнул отец. — Им просто все дозволено. Раньше за такое...

Аид не слушал. Он смотрел на свои руки, лежащие на коленях. Руки, которые могли свернуть шею человеку за долю секунды, которые могли разобрать автомат с закрытыми глазами, которые держали на себе тяжесть целого мира. *Pondus sustinet mundum*. Тяжесть держит мир. Но кто держит тяжесть?

Он чувствовал внутреннее раздвоение, которое преследовало его с самого выпуска из «Кузницы». С одной стороны, он был Андреем, который любил запах маминого борща и хриплый смех отца. С другой — он был Аидом, холодным стратегом, который готов был пожертвовать тысячами жизней, чтобы предотвратить глобальную катастрофу. Эти две

личности существовали в нем параллельно, не пересекаясь, но постоянно давя друг на друга.

— Андрюша, ты задумался? — голос матери вернул его в реальность.

— Извини, мам. Устал просто. Дорога долгая.

— Иди поспи, — она встала, подходя к нему и положив теплую руку на его щеку. Ее ладонь была шершавой, теплой, живой. Аид закрыл глаза, позволяя себе на одну секунду почувствовать это тепло. Только на одну секунду.

— Спокойной ночи, мам.

Он прошел в свою комнату. Комната подростка, которая осталась почти неизменной с его отъезда в «Ковчег». Постеры с группами, которых он уже не помнил, старые учебники, глобус. Он сел на кровать, пружины которой скрипнули.

Он не стал ложиться спать. Сон был роскошью, которую он не мог себе позволить. Он достал из внутреннего кармана куртки тонкий, почти незаметный коммуникатор, замаскированный под обычную зажигалку. Нажал на скрытую кнопку.

— Майя, — тихо произнес он.

— На связи, Директор, — голос Майи, его главного аналитика и кибер-оперативника, прозвучал в миниатюрном наушнике. — Статус вашего маршрута чист. Периметр вашего текущего местоположения взят под пассивный контроль. Никто вас не видит.

— Принято. Продолжай мониторинг. Если уровень угро-

зы превысит зеленый, активируй протокол «Тень».

— Поняла. Директор... вы уверены, что вам нужно было туда ехать? Протокол безопасности не рекомендует личные контакты.

Аид посмотрел на глобус, на синюю точку, обозначающую Саратов.

— Уверен, Майя. Конец связи.

Он убрал коммуникатор. Тишина комнаты давила на него. Он знал, что поступает неправильно, нарушая собственные же правила. Но ему нужно было это. Нужно было увидеть их, чтобы помнить, ради чего он вообще носит эту тяжесть.

Часть третья. Инцидент на Волжской

Утром дождь не прекратился. Аид собрался, попрощался с родителями. Татьяна Викторовна плакала, прижимая его к груди, Сергей Николаевич крепко пожал руку и сказал: «Береги себя, сынок».

— Я провожу тебя до остановки, — сказал отец, надевая старый плащ.

— Пап, не надо, я сам дойду. Тут пять минут.

— Пять минут, так пять минут, — упрямо ответил полковник.

Они вышли на улицу. Воздух стал еще холоднее. Они шли по тротуару, молча. Сергей Никола occasionally курил, пуская дым в сторону, чтобы не задымлять сына. Аид шел рядом, продолжая сканировать пространство. Зеленый. Зеленый. Зеленый.

Они подошли к перекрестку улиц Волжской и Горького. Здесь находилось отделение одного из крупных банков. У входа стоял бронированный «КамАЗ-инкассатор». Двое охранников в бронежилетах и касках, с автоматами наперевес, лениво переминались с ноги на ногу, пока двое других выносили тяжелые сумки из здания.

Аид автоматически оценил обстановку. Плохая позиция. Открытое пространство. Отсутствие укрытий для инкассаторов. Три пути отхода для потенциальных нападающих. Он уже собирался отвернуться, когда его периферийное зрение зафиксировало движение.

Черная «Волга» без номеров, резко затормозившая у обочины в тридцати метрах от инкассаторов. Двери распахнулись.

Четверо. Маски на лицах. В руках — укороченные автоматы Калашникова. Профессионалы. Движения отработанные. Двое сразу открыли огонь на подавление, заставляя охранников банка нырнуть за броневик. Двое других, двигаясь перебежками, рванулись к инкассаторам.

Время для Аида замедлилось. Его мозг, обученный обрабатывать тактическую информацию со скоростью суперкомпьютера, разложил ситуацию на кадры. Дистанция до нападающих: двадцать метров. Время до их подхода к машине: четыре секунды. Наличие оружия у Аида: нет. Он оставил табельный пистолет и нож в сейфе на квартире. Наличие гражданских в зоне поражения: его отец, прохожие на тротуаре.

Аид сделал расчет. Ему нужно было броситься на отца, повалить его за бетонный цветочный вазон, использовать его тело как щит, если придется, и попытаться завладеть оружием одного из нападавших. Шансы на выживание отца: четырнадцать процентов. Шансы на нейтрализацию угрозы: двадцать два процента.

Он уже начал движение, когда в ситуацию вмешался фактор, который не мог быть просчитан ни одной тактической моделью.

Из толпы зевак, которые в панике метались по тротуару, вышел человек. Обычный на вид мужчина в сером плаще и кепке. Он не бежал. Он просто шел навстречу стреляющим.

Первый бандит, заметив его, развернул автомат и выпустил короткую очередь.

Аид видел, как пули калибра 5.45 попали в грудь и плечо мужчины в сером плаще. Кинетический удар должен был отбросить его назад, разорвать ткани, сломать кости. Но мужчина в плаще даже не замедлил шаг.

Пули просто застряли в его теле.

Аид увидел, как ткань плаща порвалась, но под ней не было крови. Была только бледная, сероватая кожа, которая на глазах начала менять структуру. Мышцы, видимые сквозь разрывы, сократились с неестественной, пугающей скоростью, выталкивая деформированные пули наружу. Металл со звоном упал на асфальт. Раны затянулись за долю секунды, не оставив даже шрамов.

Бандит застыл, его глаза за маской расширились от ужаса. Он нажал на гашетку, выпуская всю обойму.

Мужчина в сером плаще сократил дистанцию за секунду. Его движение было не просто быстрым. Оно было биомеханически невозможным. Его мышцы генерировали усилие, которое должно было разорвать его собственные сухожилия, но они выдерживали. Он двигался как хищник, чья анатомия была переписана для одной цели — убийства.

Он оказался рядом с первым бандитом. Удар был нанесен открытой ладонью в грудь. Аид услышал хруст. Не просто сломанных ребер. Он услышал звук, как грудная клетка бандита просто взорвалась изнутри, разлетевшись на осколки костей, которые прошли легкие и сердце. Бандит упал, даже не успев выдохнуть.

Второй бандит, стоявший у машины, повернулся, пытаясь поднять автомат. Мужчина в плаще не остановился. Он прыгнул. Прыжок, который преодолел восемь метров в длину, приземлился перед бандитом, и его рука, сжатая в кулак, прошла сквозь череп нападающего, как сквозь бумагу. Кровь, мозг и осколки костей забрызгали броневик инкассаторов.

Оставшиеся двое бандитов, видя эту бойню, забыли про деньги. Они развернулись, чтобы бежать, но мужчина в сером плаще уже был там. Он двигался рывками, как будто его нервная система работала на частоте, недоступной человеческому глазу. Он схватил одного за ногу и с нечеловеческой

силой дернул. Раздался тошнотворный хруст разрываемых связок и костей. Бандит упал, закричав от боли, но крик оборвался, когда каблуке ботинка мужчины в плаще опустился на его горло.

Последний бандит, стоявший у «Волги», достал пистолет и начал стрелять наугад, пятясь назад. Пули попадали в мужчину в плаще, но он просто игнорировал их, продолжая идти. Он подошел к машине, схватил бандита за лицо обеими руками и сжал. Аид видел, как пальцы мужчины в плаще просто вдавились в череп, ломая лицевые кости, вдавливая глаза в мозг.

Тишина.

Абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая только шумом дождя и тихим стоном одного из охранников банка, который, к счастью, остался жив, укрывшись за броневиком.

Мужчина в сером плаще стоял посреди улицы, окруженный телами. Его плащ был изодран, но под ним не было ни одной раны. Он медленно повернул голову. Его глаза встретились с глазами Аида.

В этих глазах не было ничего человеческого. Ни радости от победы, ни ярости, ни даже холода. Это был взгляд хищника, который оценивает, является ли объект вокруг него угрозой или добычей. Он посмотрел на Аида, затем на Сергея Николаевича, который стоял рядом с сыном, побледневший, с широко открытыми глазами, сжимая в руке сигарету, которая давно погасла.

Мужчина в плаще на долю секунды задержал на них взгляд. Аид почувствовал, как его мозг посылает сигналы тревоги, но тело оставалось неподвижным. Он знал, что любое резкое движение будет расценено как угроза.

Затем мужчина в плаще просто отвернулся. Он подошел к «Волге», сел за руль, завел двигатель и уехал, даже не пытаясь скрыть номера.

Часть четвертая. Анализ и Осознание

Сергей Николаевич медленно выдохнул. Его руки дрожали. Он посмотрел на сына, его лицо было перекошено от шока.

— Андрюша... что... что это было? — его голос срывался на шепот. — Это... это что, наркотики? Какие-то новые стероиды?

Аид смотрел на удаляющуюся «Волгу». Его мозг работал в режиме экстренного анализа, игнорируя эмоциональный шок отца.

Наблюдение 1: Регенерация. Скорость восстановления тканей превышает известные генетические модификации «Наследия Феникса». Феникс работал с человеческой ДНК, пытаясь достичь совершенства. Это было что-то другое. Это была не эволюция. Это была инженерия.

Наблюдение 2: Биомеханика. Усилие, необходимое для разрушения грудной клетки человека голыми руками, требует изменения структуры мышечных волокон и плотности костей. Но при этом субъект сохранил гибкость и скорость.

Это противоречит законам биомеханики, если только его суставы и связки не были заменены на синтетические полимеры, интегрированные на клеточном уровне.

Наблюдение 3: Поведение. Отсутствие эмоций. Отсутствие речи. Субъект действовал исключительно на основе тактического алгоритма. Но это не было похоже на зомбирование или лоботомию, которые практиковал «Пантеон». Это было больше похоже на... инстинкт. Хищный инстинкт, заложенный на генетическом уровне.

— Пап, — Аид повернулся к отцу. Он сознательно модулировал свой голос, добавляя в него нотки шока и растерянности, чтобы соответствовать реакции обычного человека. — Я не знаю. Это... это какие-то новые наркотики. Синтетика. Они бывают... непредсказуемыми.

— Наркотики? — Сергей Николаевич посмотрел на тела, на кровь, смешанную с дождевой водой. — Наркоманы так не дерутся, сынок. Он... он просто прошел сквозь них. Как танк.

— Пап, сядь, — Аид мягко, но твердо взял отца за локоть и усадил на бордюр. — Сейчас приедет милиция. Тебе нужно просто сказать, что вы стали свидетелями. Что напавшие были под действием каких-то препаратов. Не нужно говорить про то, что он пули вынимал. Тебя никто не поймет, скажут, что ты от страха придумал.

Сергей Николаевич посмотрел на него, и в его глазах мелькнуло понимание. Не понимание того, что это были не

наркотики. Понимание того, что его сын знает, как себя вести в таких ситуациях. Что его сын не паникует.

— Ты прав, — тихо сказал полковник. — Ты прав. Я... я просто не понял. Из-за дождя. Из-за шока.

Аид кивнул. Он достал свой мобильный телефон — обычный, гражданский. Но под ним, в специальном чехле, был скрыт коммуникатор «Атласа». Он нажал на скрытую кнопку.

— Майя, — тихо произнес он, отвернувшись к стене здания, чтобы отец не видел движения его губ.

— Директор, я зафиксировала инцидент через городские камеры. Аналитический отдел уже обрабатывает видео.

— Мне нужен анализ биометрии субъекта, нейтрализовавшего нападавших. Сравнение с базой данных «Феникса». И... сравнение с архивами «Третьей стороны».

На другом конце линии повисла тишина. Майя, обычно отвечающая мгновенно, замолчала на три секунды. Для нее это было целой вечностью.

— Директор... вы уверены? Архивы «Третьей стороны» засекречены на уровне Омега. Мы имеем к ним только косвенный доступ.

— Я уверен. Запускай анализ. И активируй группу зачистки на улице Волжской. Мне нужны образцы крови, которые остались на асфальте. Не милиция. Наши.

— Поняла. Группа будет через четыре минуты. Директор... если это действительно они... если это «Третья сторо-

на»...

— Если это они, Майя, значит, они уже здесь. И они начали охоту. Конец связи.

Аид убрал телефон. Он посмотрел на свои руки. Они были чистыми, но ему казалось, что он чувствует запах крови. Запах крови того, что больше не было человеком.

Он вспомнил отчеты, которые читал в архивах «Атласа». Отчеты, которые даже его отец, полковник ФСИН, никогда бы не увидел. Отчеты о контактах с «Третьей стороной». О том, что эта враждебная цивилизация не просто наблюдает. Они готовят плацдарм. Они создают суперлюдей, генетических гибридов, которые должны стать авангардом их вторжения. «Пантеон» думал, что управляет хаосом, но они были просто пешками в руках тех, кто пришел из звезд.

И теперь, на улице Волжской в Саратове, один из этих гибридов только что устроил бойню. Не ради денег. Не ради идеи. Ради теста. Ради проверки своих возможностей.

— Скорая уже едет, — сказал Сергей Николаевич, глядя на подъехавшие машины с мигалками. — И милиция.

— Хорошо, пап. Давай просто дадим показания и поедем домой. Тебе нужно выпить чаю.

Они встали. Аид посмотрел на место бойни. Милиционеры уже оцепили территорию. Кто-то из них блевал в кусты, глядя на то, как выглядели головы убитых бандитов.

Аид почувствовал, как внутри него закипает холодная, расчетливая ярость. Не эмоция. Решение. Он, Аид, Дирек-

тор Евразии, человек, который поклялся держать мир, теперь знал, что враг уже внутри. И он не остановится, пока не уничтожит все, что угрожает этому миру. Включая его родителей. Включая этот дом на улице Чернышевского.

Часть пятая. Бремя

Показания прошли по стандартному сценарию. Аид дал идеальные показания свидетеля, который находится в состоянии легкого шока, но четко помнит детали. Он не упомянул регенерацию. Он не упомянул нечеловеческую силу. Он сказал, что напавшие были под действием каких-то новых, невероятно мощных психотропных веществ, которые заставили их убивать друг друга с особой жестокостью.

Милиционеры записали, кивнули, поблагодарили за сотрудничество. Они не хотели знать правду. Правда была слишком сложной, слишком страшной. Им было проще поверить в наркотики.

Когда они сели в маршрутку, чтобы поехать обратно к дому родителей, Сергей Николаевич долго молчал, глядя в окно на серые, проплывающие мимо здания.

— Андрюша, — наконец сказал он, не поворачивая головы. — Ты... ты не бойся. Я тебя защищу. Что бы там ни случилось. Я полковник. У меня есть связи. Я найду этих... этих тварей.

Аид посмотрел на отца. На его седеющие виски, на морщины вокруг глаз, на руки, которые сжимали край сиденья. Он знал, что Сергей Николаевич не сможет защитить его. Он

не сможет защитить никого от того, что надвигается. Но в этот момент Аид почувствовал к отцу не жалость, а глубокое, всепоглощающее уважение. Этот человек, маленький, смертный, ограниченный в своих возможностях, был готов бросить вызов всему миру, чтобы защитить своего сына.

— Я знаю, пап, — тихо сказал Аид. — Я знаю.

Он вышел на своей остановке. Они обнялись. Татьяна Викторовна снова плакала, целуя его в щеки.

— Приезжай еще, сынок. Пожалуйста.

— Приеду, мам. Обещаю.

Он смотрел, как они заходят в подъезд, как закрывается тяжелая металлическая дверь. Он стоял под дождем, не чувствуя холода. Его тело было идеальным инструментом, не подверженным болезням, не чувствующим усталости. Но его душа, та маленькая, скрытая часть, которая все еще была Андреем, чувствовала невыносимую тяжесть.

Он достал коммуникатор.

— Майя.

— Директор. Группа зачистки на месте. Образцы крови собраны и переданы в мобильную лабораторию. Милиция считает, что это разборки наркоманов. Следов гибрида не обнаружено.

— Анализы ДНК. Срочно. Сравнение с архивами «Третьей стороны».

— Директор... предварительный анализ уже готов. Структура ДНК... она не человеческая. Там есть вкрапления. Син-

тетические последовательности, которых нет в нашей базе. Но они совпадают с теоретическими моделями, которые мы разработали на основе данных «Этеро» о «Третьей стороне».

Аид закрыл глаза. Дождь барабанил по его куртке.

— Они здесь, Майя. Они уже создают армию.

— Что нам делать, Директор?

Аид открыл глаза. Он посмотрел на серое небо Саратова, на серые дома, на мир, который даже не подозревал, что он уже стал полем боя. Он почувствовал, как внутри него смыкаются две его личности. Андрей, любящий сын, и Аид, безжалостный Директор. Они слились воедино, превратившись в холодную, несокрушимую волю.

— Мы начинаем охоту, Майя. Активируй все спящие ячейки в Евразийском секторе. Подними уровень угрозы до «Красного». И найди этого гибрида. Мне не важно, сколько это будет стоить. Мне нужно знать, где их база. Мне нужно знать, как они их создают.

— Поняла, Директор. Приступаю.

Аид убрал коммуникатор. Он сделал шаг вперед, растворяясь в толпе прохожих, которые спешили по своим делам, не обращая на него внимания. Он был тенью. Он был тем, кто держит мир.

Pondus sustinet mundum.

Тяжесть держит мир. И сегодня, в этом сером, дождливом городе, он почувствовал, как эта тяжесть стала еще больше. Но он не дрогнул. Он не мог себе этого позволить. Потому

что если он упадет, упадет все.

Он шел по улице, его шаги были ровными, его темп составлял семьдесят сантиметров в секунду. Его мозг уже строил планы, рассчитывал маршруты, анализировал тактические возможности. Он был Айдом. И его война только началась.

Глава 2 Протокол «Олимп»

Часть первая. Спуск в утробу

Лифт опускался уже четыре минуты. Это был не обычный лифт, а массивная капсула из титанового сплава, скользящая по вертикальной шахте, пробитой в гранитной толще Уральских гор. Цифры на тактильном дисплее менялись с пугающей скоростью, отсчитывая сотни метров вниз, прочь от поверхности, прочь от снежной бури, которая сейчас выла над Свердловской областью, прочь от мира, который Аид только что покинул.

Воздух в капсуле был стерильным, с легким привкусом озона и металлической пыли. Система жизнеобеспечения «Нексуса» не допускала запахов поверхности. Аиду это нравилось. Поверхность пахла кровью, снегом и невозможностью. Подземелье пахло только работой.

Он закрыл глаза, но образы Саратова не исчезали. Они прокручивались за внутренними веками с частотой двенадцать кадров в секунду. Серый снег. Черный асфальт. И эта... вспышка. Движение, которое его зрительная кора отказывалась классифицировать как человеческое. Угол наклона корпуса при ускорении, траектория вектора силы, отсутствие инерционного отката при торможении. Его мозг, натренированный годами в «Кузнице» и отточенный в реальных операциях, пытался наложить этот паттерн на известные ему

биомеханические модели. Каждый раз модель давала сбой. Каждый раз его внутренний калькулятор выдавал ошибку: *Несовместимо с анатомией Homo sapiens*.

Капсула дрогнула и плавно остановилась. Двери с шипением разъехались, открывая доступ на Уровень-7.

Аид шагнул наружу. Его встречал не человек, а лазерная сетка сканеров. Лучи прошли по его сетчатке, считали микрорельеф радужки, затем прошли по контуру лица, считали походку, ритм сердцебиения, термальный след.

— Добро пожаловать обратно, Директор, — произнес синтетический голос ИИ «Нексуса». Звук был лишен эмоций, но в нем чувствовалась тяжеловесность процессов, которые происходили где-то в недрах серверных ферм. — Уровень биометрической угрозы: нулевой. Доступ разрешен.

Аид кивнул, хотя ИИ этого не требовал. Привычка. Он прошел через шлюз, и тяжелые бронированные двери за его спиной закрылись с глухим, окончательным стуком, отрезая его от остального мира.

«Нексус» был сердцем евразийского сектора «Атласа». Если «Ковчег» в Антарктиде был местом, где из детей лепили идеальных солдат, то «Нексус» был мозгом, который направлял их руки. Это был гигантский подземный город, состоящий из десятков уровней, соединенных герметичными переходами. Здесь гудели квантовые вычислители, здесь анализировались потоки данных с тысяч спутников, здесь рождались и умирали операции, о которых не узнает ни од-

но правительство на поверхности. Стены из матового бетона, приглушенный свет светодиодных лент, постоянный низкочастотный гул вентиляции, который ощущался скорее зубами, чем ушами.

Аид шел по коридору, его шаги глухо отдавались в бетоне. Он миновал пост вооруженной охраны — бойцы в черной броне с логотипом «Атласа» (титан, держащий сферу) даже не шелохнулись, узнав его. Они были такими же, как он: продукты «Кузницы», лишённые национальной идентичности, знающие только одну цель. *Pondus sustinet mundum*. Тяжесть держит мир. Но сейчас, вспоминая Саратов, Аид впервые за долгие годы почувствовал, что тяжесть становится невыносимой.

Он подошел к массивной двери из матового стекла. За ней находился аналитический центр. Он приложил ладонь к сканеру, и дверь открылась, впуская его в царство Майи и Лукаса.

Часть вторая. Цифровая аутопсия

Аналитический центр «Нексуса» напоминал внутренности гигантского организма. Десятки голографических проекторов висели в воздухе, отбрасывая голубоватый свет на лица операторов. Но в центре этого зала находилась «берлога» Майи.

Майя не просто работала с данными. Она жила в них. Её рабочее место было окружено кольцом из восьми изогнутых мониторов, но она редко смотрела на них напрямую. Она ра-

ботала в нейроинтерфейсе — тонком обруче с сенсорами, охватывающем её виски и затылок. Её пальцы танцевали над голографической клавиатурой, а её разум в это время был где-то в глубинах защищенных сетей «Пантеона».

Аид подошел к её терминалу. Воздух здесь был холоднее — мощные системы охлаждения серверов, стоящих за стеклянной перегородкой, работали на пределе.

— Статус, — произнес Аид. Его голос был тихим, но в тишине аналитического центра он прозвучал как удар хлыста.

Майя не открыла глаз. Её веки дрожали. На центральном мониторе мелькали потоки шифрованного текста, цифры, ломаные графики.

— Я нащупала их периметр, — её голос был хриплым, она не пила воду уже несколько часов. — Это не их стандартная защита. Они перешли на квантовое шифрование с динамической сменой ключей. Но они допустили ошибку. Они используют алгоритмы ротации, которые мы украли у «Этеро» пять лет назад. Они думают, что мы не сможем их взломать, потому что сами «Этеро» считают этот протокол устаревшим. Но они не учли, что я модифицировала его, добавив фрактальную рекурсию.

Аид нахмурился. — Сколько времени у тебя ушло на взлом?

— Трое суток, — Майя наконец открыла глаза. Под ними залегли темные круги. — Я не взламывала их, Директор. Я заставила их систему думать, что она взламывает сама себя.

Я создал зеркальный контур. Но это дало мне только тридцать секунд доступа к их внутреннему контуру связи. Тридцать секунд, Аид. Я успела вытащить только фрагменты голосовых транскриптов и текстовые логи. Остальное сгорело.

— Покажи, что ты вытащила.

Майя моргнула, отключая нейроинтерфейс. Она провела руками по лицу, словно смывая с себя цифровую грязь, и щелкнула пальцами. Голографический проектор в центре комнаты ожил. В воздухе повисли три слова, написанные на русском, но с странной, рваной орфографией, словно переводчик пытался адаптировать чуждый синтаксис.

ЖНЕЦЫ. ПОСЕВ. ЖАТВА.

Аид смотрел на эти слова. Они висели в воздухе, подсвеченные холодным голубым светом.

— Что это? — спросил он.

— Это внутренние кодовые названия операций, — Майя встала, потянулась, её суставы хрустнули. — Но это не просто названия. Я прогнала их через лингвистический анализатор «Атласа». Смотри.

Она размахнула рукой, и голограмма изменилась. Слова окружились облаками контекстных данных.

— «Посев» — это не метафора. В контексте логов это слово используется с привязкой к географическим координатам и биологическим параметрам. Они говорят о «Посеве» как о процессе. Процессе внедрения. «Жнецы» — это субъекты. Те, кто собирает результат «Посева». А «Жатва»... «Жатва»

привязана к временным меткам. Ближайшая метка — через четыре месяца.

Аид почувствовал, как по спине прошел холод. Не от кондиционеров. От понимания.

— Они используют сельскохозяйственную терминологию для описания людей, — тихо произнес он. — «Пантеон» всегда был одержим контролем. Но они никогда не использовали такие термины. Для них человечество было ресурсом, шахматными фигурами. Но «Посев» и «Жнецы»... Это не контроль. Это культивация.

— Есть еще кое-что, — Майя голосом активировала следующий слой данных. — В логах есть упоминание «Протокола Олимп». Он зашифрован сильнее, чем остальное. Но я смогла вытащить один фрагмент аудиозаписи. Это голос не человека. Точнее, это человеческий голос, но модуляция...

Она нажала на виртуальную кнопку. Из динамиков полился звук. Это был голос мужчины, но он звучал неестественно ровно. В нем не было микро-пауз, которые делает человек, когда дышит или думает. Не было интонационных скачков. Это был синтезированный голос, но не машинный. Он звучал так, словно кто-то взял человеческую речь и вычистил из неё всё человеческое, оставив только чистую, кристальную информацию.

«...коэффициент приживаемости в секторе Евразия составляет четырнадцать процентов. Биомасса нестабильна. Требуется корректировка вектора «Посева». Жнецы го-

товы к выдвигению...»

Запись оборвалась.

Аид смотрел на голограмму. Четырнадцать процентов. Это был процент тех, чьи тела выдержали то, что они сделали в Саратове.

— Майя, — произнес Аид, его голос стал жестким, как сталь. — Заблокируй эти данные. Уровень допуска Омега. Никто, кроме нас троих, не должен знать об этом. Если «Пантеон» поймет, что мы вскрыли их внутренний контур, они сменят протоколы, и мы ослепнем.

— Уже блокирую, — кивнула Майя. — Аид... Ты понимаешь, что это значит? «Пантеон» больше не просто теневая структура. Они не управляют миром. Они работают на кого-то. Они — менеджеры. Прорабы.

— Я понимаю, — Аид отвернулся от голограммы. — Иди к Лукасу. Он закончил анализ видео из Саратова. Нам нужно свести данные. Цифры и физику.

Часть третья. Анатомия невозможного

Тактический зал «Нексуса» был противоположностью кибер-берлоги Майи. Здесь не было голограмм и тонких интерфейсов. Это было место для грубой, физической реальности. В центре зала стоял массивный стол с проекционной поверхностью, а вокруг него висели экраны, на которых в режиме реального времени транслировались данные с полевых сенсоров.

Лукас стоял у стола. Он был огромным, его мышцы, каза-

лось, не помещались в стандартную форму «Атласа». Шрам, пересекающий его левую бровь, делал его лицо еще более суровым. Он был лучшим тактиком-силовиком первого набора «Наследия». Он знал, как убивать людей, но сейчас он выглядел так, словно столкнулся с чем-то, что не вписывалось в его картину мира.

— Ты посмотрел? — спросил Аид, входя в зал.

Лукас не поднял глаз. Он нажал кнопку на пульте, и на проекционном столе ожила запись с камер наблюдения в Саратове. Кадры были замедлены до предела.

— Я прогнал это через биомеханический симулятор «Атласа», — голос Лукаса был низким, хриплым. — Я прогнал это через все известные нам базы данных. ГРУ, ЦРУ, МИ-6, базы «Феникса», которые мы успели спасти. Я даже загрузил данные по «Этеро», которые у нас есть.

На экране человек в черном (тот самый сверхчеловек из Саратова) делал рывок. Симулятор наложил на его фигуру светящийся скелет, показывающий углы сгибания суставов, распределение веса, векторы мышечного напряжения.

— Смотри сюда, — Лукас ткнул пальцем в голографический скелет в момент рывка. — При таком ускорении, которое он выдает, человеческое бедро должно вылететь из суставной сумки. Связки не выдержат нагрузки. Они порвутся, как нитки. Но посмотри на симулятор.

Аид прищурился. Светящиеся линии на симуляторе не рвались. Они меняли цвет, становясь ярко-красными, и угол

сгибания сустава менялся на неестественный, но при этом нога продолжала работать, выдавая чудовищную тягу.

— Это не человеческая биомеханика, — тихо произнес Аид.

— Это вообще не биомеханика, — рявкнул Лукас. — Это оверрайд. Кто-то взял человеческое тело и перепрошил его нервную систему. Посмотри на микродвижения шеи. У человека есть рефлекс стабилизации головы. Когда тело дергается, голова компенсирует движение, чтобы взгляд оставался стабильным. У этого субъекта голова движется синхронно с телом, с задержкой в две миллисекунды. Это задержка не биологическая. Это задержка обработки сигнала. Как у сервопривода.

Лукас переключил кадр. Сверхчеловек останавливался после удара.

— А теперь смотри на торможение. Когда он останавливается, его мышцы не расслабляются. Они блокируются. Жестко. Как гидравлика. Если бы это делал человек, его кости разбились бы от собственного импульса. Но его кости... симулятор показывает, что их плотность в месте удара увеличивается в три раза за долю секунды. Это невозможно. Это требует мгновенного перераспределения кальция и изменения кристаллической решетки.

— Это не магия, Лукас, — произнес Аид, его мозг лихорадочно строил цепочки. — Это нанотехнологии. Или генная инженерия, которая использует наноботов внутри кост-

ной ткани.

— Может быть, — Лукас выпрямился, вытирая пот со лба. — Но главное не это. Главное — это алгоритм боя. Я загрузил его движения в тактический ИИ. ИИ пытался предсказать его следующий удар. ИИ проиграл в ста процентах случаев.

Аид поднял бровь. Тактический ИИ «Нексуса» был способен просчитать действия сотни бойцов одновременно.

— Почему?

— Потому что он не использует стандартные боевые паттерны, — Лукас сжал кулаки. — Он не бьет туда, где защита слабее. Он бьет туда, где его удар вызовет максимальную кинетическую цепную реакцию. Он рассчитывает физику удара так, чтобы сила прошла сквозь тело противника и ударила в следующего. Он не видит людей. Он видит векторы силы и точки разрушения. Это не боевое искусство. Это математика разрушения.

В зал вошла Майя. Она держала в руках планшет, её лицо было бледным.

— Я свела данные, — произнесла она, её голос дрожал. — То, что я нашла в логах «Пантеона», и то, что Лукас нашел в физике... Это не две разные проблемы. Это одна.

Она подключила планшет к проекционному столу. Голограмма Саратова изменилась. На сверхчеловека наложился данные из логов. Слова «ЖНЕЦЫ» и «ПОСЕВ» пульсировали красным светом.

— «Посев» — это не просто внедрение, — сказала Майя. — В логах есть упоминание «биомассы». Они считают людей не врагами. Они считают нас сырьем. «Посев» — это процесс модификации. Они берут людей и перепрошивают их. Превращают в «Жнецов». А тех, кто не выдерживает модификации... тех они просто утилизируют. Четырнадцать процентов приживаемости. Это значит, что из каждых десяти человек в Саратове выжили только те, чье тело приняло этот... этот оверрайд.

Аид смотрел на голограмму. Мир вокруг него словно сузился до этой светящейся фигуры.

«Пантеон» всегда был их главным врагом. Теневая структура, которая манипулировала правительствами, разжигала войны, контролировала экономику. Они были умны, жестоки, расчетливы. Но они были людьми. Они хотели власти над Землей.

Но теперь... Теперь картина менялась. «Пантеон» не хотел власти. «Пантеон» был просто местным филиалом. Они были прорабами, которые готовили поле для хозяев. Для Третьей стороны. Для тех, кто смотрел на Землю не как на планету, а как на ферму.

— Они работают на инопланетян, — тихо произнес Аид. Слова звучали абсурдно, но в них не было ни капли сомнения. — «Пантеон» заключил сделку. Они получили технологии для создания суперсолдат, а взамен... Взамен они готовят планету к «Жатве».

Лукас медленно кивнул. Его кулаки сжались так сильно, что костяшки побелели. — Как мы будем их убивать, Аид? Мои люди trained to kill men. Мы знаем, как ломать кости, как перерезать артерии. Но как убить машину, которая носит человеческую кожу? Как убить то, что не чувствует боли и не знает усталости?

— Мы не будем их убивать, — Аид оторвал взгляд от голограммы. Его глаза были холодными, как лед в Антарктиде. — Мы будем их отключать. Майя, ты должна найти частоту, на которой работает их оверрайд. Если их нервная система перепрошита, значит, есть сигнал управления. Мы найдем этот сигнал и заглушим его. Мы превратим их из машин обратно в мясо.

— Это потребует времени, — Майя уже считала в уме. — Мне нужно больше данных. Мне нужно поймать одного из них. Живого. Или хотя бы получить доступ к их серверам управления.

— Ты получишь и то, и другое, — Аид повернулся к Лукасу. — Собери группу «Омега». Лучшие тактики. Никаких правил ведения боя. Забудьте про захват языков. Ваша задача — нейтрализовать цель с минимальными повреждениями нервной системы. Если нам придется их убивать, мы будем их убивать. Но сначала мы попробуем их взломать.

Лукас кивнул. — Я подберу людей. Но Аид... Если мы начнем открытую войну с «Пантеоном», они поймут, что мы знаем. Они уйдут в тень.

— Они уже в тени, Лукас, — Аид подошел к проекционному столу и провел рукой сквозь голограмму сверхчеловека. — Мы больше не играем в шпионов. Мы играем на выживание. Если «Жатва» начнется через четыре месяца, у нас нет времени на скрытные операции. Мы должны нанести удар по их логистике. По их «Посеву».

Часть четвертая. Анатомия угрозы

Аид остался в тактическом зале один. Майя ушла в свой кибер-бункер, погружаясь в океан чужого кода. Лукас ушел в казармы, отбирая бойцов для миссии, которая, по его мнению, была самоубийственной.

Аид стоял перед проекционным столом. Он отключил голограмму сверхчеловека. Вместо этого он вызвал карту мира. На ней пульсировали красные точки — известные базы «Пантеона». Но теперь, глядя на них, он видел не просто террористические ячейки. Он видел фермы. Он видел места, где идет «Посев».

Он вызвал данные по Саратову. Статистика жертв. Статистика пропавших без вести. Люди, которые исчезали. Люди, которых «Пантеон» забирал для экспериментов. Миллионы людей по всему миру. И каждый из них — потенциальный «Жнец».

Аид почувствовал, как внутри него поднимается волна холода. Он был Директором Евразии. Он был продуктом «Кузницы». Его учили не чувствовать. Его учили видеть в людях ресурсы, угрозы, переменные. Но сейчас, глядя на карту, он

впервые за долгие годы почувствовал то, что «Атлас» пытался в нем искоренить. Страх. Не за себя. За мир.

Он вспомнил своих родителей в Саратове. Отца, который верил, что «Атлас» защищает мир от террористов. Мать, которая пекла пироги и верила, что её сын просто работает в хорошей компании. Они были частью «биомассы». Для Третьей стороны они были не людьми. Они были удобрением. Или сырьем.

Аид сжал кулаки. Он не## себе бояться. Страх — это ошибка в расчетах. Страх — это сбой в алгоритме. Он выдохнул, выравнивая ритм сердцебиения.

Он вызвал связь с Триархией. С Директорами Америк и Островного домена.

На экране появились их аватары. Директор Америк — холодный, расчетливый мужчина с шрамом на подбородке. Директор Островного домена — женщина с непроницаемым лицом.

— Директор Евразии, — произнес Директор Америк. — Мы получили ваш запрос на повышение уровня угрозы до Омега. Это беспрецедентно. Объясните.

Аид не стал тратить время на вступления. Он передал им файлы Майи и анализ Лукаса. Данные, слова, биомеханику.

На экране повисла тишина. Директора изучали данные.

— Вы утверждаете, что «Пантеон» работает на внеземную цивилизацию, — наконец произнесла женщина. — Это звучит как паранойя, Королёв.

— Это не паранойя, Директор, — Аид говорил ровно, его голос был лишен эмоций. — Это факты. Биомеханика субъекта из Саратова несовместима с человеческой анатомией. Это оверрайд. Кибернетическое или генетическое перепрограммирование. А данные из логов «Пантеона» подтверждают, что они готовят планету к «Жатве». У нас есть четыре месяца.

— Четыре месяца до чего? — спросил Директор Америк.

— До начала «Жатвы». До того, как они начнут массовую активацию «Жнецов». Если они активируют даже десять тысяч таких субъектов, наши города падут за сутки. Они не будут захватывать территории. Они будут просто уничтожать население, собирая «биомассу».

На экране снова повисла тишина.

— Каковы ваши предложения, Директор Евразии? — спросила женщина.

— Мы наносим превентивный удар, — Аид вызвал на карту новую точку. — Мы нашли координаты одного из центров «Посева». Это не база «Пантеона». Это их завод. Они модифицируют людей прямо там. Мы должны уничтожить этот завод. И мы должны захватить их серверы управления, чтобы Майя могла найти частоту оверрайда.

— Это самоубийство, — произнес Директор Америк. — «Пантеон» будет охранять этот объект не людьми. Там будут «Жнецы».

— Тогда мы узнаем, как их убивать, — Аид посмотрел

прямо в камеру. — Мы больше не можем прятаться в тени. Тень стала нашей могилой. Мы должны выйти на свет.

Директора переглянулись.

— Запрос принят, Директор Евразии, — произнесла женщина. — Группа «Омега» в вашем распоряжении. Но помните, Королёв. Если вы ошибётесь, если вы не сможете их остановить... «Атлас» будет вынужден применить протокол «Чистый лист».

Аид понял. «Чистый лист». Это означало, что если они не смогут остановить «Жнецов», «Атлас» применит тактическое ядерное оружие, чтобы стереть зараженные территории с лица земли. Вместе с людьми.

— Я не ошибусь, — тихо произнес Аид.

Связь оборвалась. Экран погас.

Часть пятая. Тяжесть мира

Аид вышел из тактического зала. Он шел по длинным коридорам «Нексуса», его шаги эхом отдавались в бетоне. Он миновал залы, где аналитики склонялись над мониторами, миновал казармы, где бойцы «Наследия» готовились к операциям. Они были идеальными. Они были машинами. Но сейчас они были единственными, кто стоял между человечеством и «Жатвой».

Он остановился у огромного окна, которое выходило в центральный атриум «Нексуса». Внизу, в глубине атриума, висел огромный логотип «Атласа». Титан, держащий на плечах сферу.

Pondus sustinet mundum. Тяжесть держит мир.

Аид смотрел на титана. Раньше он думал, что тяжесть — это ответственность. Что титан держит мир, потому что он силен. Но сейчас он понял. Титан держит мир не потому, что он силен. Он держит его, потому что если он отпустит, мир упадет и разобьется. Тяжесть — это не сила. Тяжесть — это страх падения.

Он достал из кармана коммуникатор. Он набрал номер. Не защищенный канал «Атласа». Обычный, гражданский номер.

Гудки. Один. Второй. Третий.

— Алло? — раздался голос его отца. Голос был сонным, хриплым. В Саратове была глубокая ночь.

Аид молчал. Он слушал этот голос. Голос человека, который был частью «биомассы». Который не знал, что через четыре месяца его могут превратить в машину для убийства.

— Андрей? Ты там? — голос отца стал тревожным. — Что-то случилось?

— Нет, пап, — Аид заставил свой голос звучать ровно. — Просто... хотел услышать твой голос. У меня все хорошо.

— Ты звучишь так, будто не спал, — отец вздохнул. — Ты слишком много работаешь, сынок. Береги себя. Мир не рухнет, если ты возьмешь выходной.

Аид закрыл глаза. Мир не рухнет. Потому что он не даст ему рухнуть.

— Я буду беречь, пап. Спи спокойно.

Он отключил связь. Убрал коммуникатор в карман.

Он снова посмотрел на логотип. Титан держал сферу. Аид выпрямился. Его лицо стало каменным. Эмоции были запрятаны глубоко внутрь, заперты в сейф, к которому не было ключей. Остался только расчет. Остался только план.

Он развернулся и пошел к лифту. Ему нужно было вернуться на поверхность. Ему нужно было собрать группу «Омма». Им нужно было идти на «Посев».

«Пантеон» думал, что они прорабы. Третья сторона думала, что Земля — их ферма.

Они ошибались. Земля была не фермой. Земля была крепостью. И у неё был Директор.

Лифт закрылся, и Аид начал подниматься на поверхность. К войне. К «Жатве». К миру, который он должен был удерживать, даже если для этого ему придется выжечь его дотла.

Pondus sustinet mundum.

Но теперь тяжесть была не на его плечах. Теперь тяжесть была в его руках. И он сжимал её так сильно, что костяшки побелели.

Глава 3 Точка сингулярности

Часть первая. Анатомия тишины

Уральские горы не прощали ошибок. Они не знали концепции «тактического преимущества» и не заботились о том, что температура воздуха у поверхности опустилась до минус сорока одного градуса по Цельсию. Ветер, несущийся сквозь ущелье, бил в лицо не снегом, а миллиардами микроскопических ледяных игл, которые находили любую, даже самую микроскопическую щель в термозащите.

Аид (CID 0003) стоял на гребне скалы, сливаясь с ней не только благодаря адаптивному камуфляжу экзоскелета «Призрак-4», но и благодаря абсолютному контролю над собственным телом. Его дыхание было замедлено до четырех циклов в минуту. Сердце билось ровно, перекачивая кровь, обогащенную синтетическими переносчиками кислорода, которые «Атлас» начал внедрять для полевых агентов после инцидента в Антарктиде. Тактический HUD, проецируемый непосредственно на сетчатку глаза через имплант, рисовал поверх реальности слои информации: тепловые сигнатуры, структурная целостность пород, направление ветра, вероятность обнаружения — 0.003%.

Под ним, в жерле заброшенной шахты, зияла чернота. Официально это был Object 73-Beta, законсервированный в конце восьмидесятых советский бункер, предназначенный

для управления ракетными ударами в случае полномасштабной ядерной войны. Neofficially — это была дыра в земле, из которой «Атлас» уже третий месяц улавливал аномальные гравитационные и биологические флуктуации.

— Сектор чист, — голос Лукаса прозвучал в костном проводнике, сухой и лишенный эмоций. Лукас лежал в тридцати метрах левее, его массивная фигура, усиленная сервоприводами последнего поколения, была неподвижна, как валун. Он был лучшим специалистом по ближнему бою в секторе. Его уверенность не была самоуверенностью; это был статистический факт, подтвержденный сотнями успешных операций. Его экзоскелет был настроен на максимальную кинетическую отдачу.

— Майя, статус узла, — мысленно скомандовал Аид, даже не шевеля губами. Нейроинтерфейс считывал субвокализацию.

— Взламываю шлюз, — ответила Майя. Ее голос был напряжен, но пальцы, бегающие по голографической клавиатуре ее наручного терминала, двигались с хирургической точностью. — Это не просто советский бункер, Аид. «Объект 73-Бета» был законсервирован в восемьдесят девятом. Но я вижу следы вмешательства. Энергетические сигнатуры... они не соответствуют ни одному известному земному стандарту. Это Этеро-технологии. Но они... мутировали. Сплетены с биомассой.

Аид сузил глаза. Биомасса. «Пантеон» давно не был глав-

ной угрозой. Тени, которые они преследовали в финансовых потоках и теневых правительствах, оказались лишь пешками. Настоящий игрок — «Третья сторона» — использовал Землю не как поле для геополитических игр, а как инкубатор. И то, что они создавали здесь, в промерзшем бетоне под Уралом, должно было стать ответом на вопрос: насколько далеко зашла их генетическая инженерия.

— Шлюз открыт, — доложила Майя. — Гидравлика мертва, но я обхожу магнитные замки через обходной контур. У вас есть окно в сорок секунд до того, как локальная сеть отправит пакет данных на внешний сервер.

— Работаем тихо, — передал Аид. — Протокол «Фантом». Никаких лишних жертв, если это не угрожает миссии. Нам нужны данные. Нам нужны образцы. Мы не знаем, с чем имеем дело.

Команда начала спуск. Четверо фигур в черных, поглощающих свет костюмах скользили по скальной породе, словно тени, оторвавшиеся от своих хозяев. Вход в бункер представлял собой массивную стальную дверь, покрытую слоем инея и ржавчины. Когда Майя активировала обход, механизмы издали низкий, протяжный стон, от которого вибрация прошла по костям. Дверь отползла в сторону, открывая зев черноты.

Запах ударил мгновенно. Он пробился даже через фильтры шлемов. Это не был запах сырости, плесени или застоявшегося воздуха советских подземелий. Это был запах озона,

смешанный со сладковатым, тошнотворным ароматом перегретой органики. Пахло так, словно в бетонной коробке одновременно работали сотни медицинских лазеров и гнили тропические фрукты.

— Фильтры на максимум, — скомандовал Аид. — Включаем активное сканирование. ИК, УФ, спектральный анализ.

Они вошли внутрь. Лучи тактических фонарей, работающие в невидимом для человеческого глаза спектре, выхватывали из темноты коридоры. Бетонные стены, изначально созданные, чтобы выдержать прямое попадание тактической ядерной боеголовки, теперь были покрыты странным налетом. Аид присел, касаясь пальцами стены. Налет был теплым. Он пульсировал. Микроскопические капилляры, вплетенные в бетон, перекачивали густую, темную жидкость.

— Они перестраивают инфраструктуру, — тихо произнесла Майя, сканируя стену портативным спектрометром. — Это не просто база. Это... улей. Они используют бетон как каркас, а биомассу — как нервную систему.

— Двигаемся к центру, — Аид встал, его автомат, заряженный вольфрамовыми подкалиберными болтами, был вскинут и готов к работе. — Лукас, впереди. Майя, прикрой тыл. Призрак, фланги.

Они углублялись в недра горы. Тишина была неестественной. Не было слышно ни шагов охраны, ни гула генераторов. Только тихий, почти не уловимый шепот пульсирующих стен. Аид чувствовал, как его тактический инстинкт, отто-

ченный годами тренировок в «Кузнице» и реальными операциями, начинает бить тревогу. Что-то было не так. Уровни CO₂ в воздухе падали, а температура, вопреки законам термодинамики, начинала повышаться по мере их продвижения вглубь.

Они достигли массивных гермодверей, ведущих в центральный реакторный зал. Двери были взломаны. Нет, не взломаны. Они были *разорваны*. Толстая сталь, рассчитанная на давление в сотни атмосфер, была вывернута наружу, словно консервная банка. Края металла не были оплавлены или разрезаны. Они были растянуты.

— Лукас, осмотри края, — приказал Аид.

Лукас подошел к разорванной двери, его сервоприводы тихо зажужжали, компенсируя вес, когда он наклонился. Он провел пальцем в усиленной перчатке по металлу. — Никаких следов взрывчатки. Никаких следов термического воздействия. Аид... металл растянут. Молекулярная структура нарушена. Кто-то или что-то просто разорвало эту дверь руками.

Аид посмотрел на следы. Ширина хвата превышала полметра. Сила, необходимая для того, чтобы разорвать сталь такой толщины, должна была быть колоссальной. Но самое страшное было не в силе. Самое страшное было в отсутствии следов борьбы. Если бы это была машина, она бы использовала рычаги или гидравлику. Если бы это был человек с экзоскелетом, остались бы следы износа сервоприводов или

трещины в точках крепления. Здесь же металл просто подчинился чьей-то воле.

— Это не «Пантеон», — констатировал Аид. — «Пантеон» использует то, что могут купить или украсть. Это... продукт «Третьей стороны». Мы ищем лабораторию, а нашли инкубатор.

В этот момент тактический HUD Аида вспыхнул красным. *Обнаружены аномальные тепловые сигнатуры. Дистанция: 40 метров. Скорость сближения: 12 метров в секунду.*

Двенадцать метров в секунду. В замкнутом пространстве бетонного коридора. Это было быстрее, чем может передвигаться человек в тяжелом экзоскелете. Это было быстрее, чем может реагировать человеческий мозг.

— Контакт! — крикнул Аид, вскидывая оружие. — Сектор фронт!

Часть вторая. Анатомия монстра

Они появились из темноты не как бегущие солдаты, а как хищники, для которых расстояние не имело значения. Трое существ. Рост — около двух с половиной метров. У них не было лиц в человеческом понимании. Гладкие, серо-белые черепа, лишённые глазных впадин, носов и ушных раковин. Вместо этого на месте лица располагалась сложная сеть сенсорных щелей, покрытых полупрозрачной мембраной, под которой пульсировал тусклый фиолетовый свет. Их тела были покрыты не броней, а хитиновыми пластинами, сросшимися с гипертрофированной мышечной тканью.

Они не использовали оружие. Их конечности, заканчивающиеся не пальцами, а плотными, костяными лезвиями, сами по себе были идеальным инструментом для убийства.

— Огонь! — скомандовал Аид.

Четверка агентов «Атласа» открыла огонь одновременно. Звук выстрелов из беззвучных рельсовых ускорителей был похож на резкий треск кнута. Вольфрамовые болты, разогнанные до гиперзвуковых скоростей, ударили в ведущее существо.

В обычных условиях эти болты прошили бы насквозь легкий танк, превратив внутренности в кровавый туман. Но когда болты ударили в существо, произошло нечто невообразимое. Хитиновые пластины на его груди не просто выдержали удар. Они *поглотили* его. Кинетическая энергия была рассеяна по всей биомассе существа, заставив его мышцы неестественно вздуться и тут же сжаться, компенсируя импульс. Существо даже не замедлило шаг.

— Бронебойные не работают! Кинетика поглощается! — крикнула Майя, меняя магазин на термобарические заряды.

Существо открыло «лицо». Мембрана раздвинулась, и из глотки вырвался не крик, а инфразвуковой импульс. Аид почувствовал его не ушами, а всем телом. Вибрация прошла сквозь кости, вызывая тошноту и дезориентацию. Тактический HUD на долю секунды покрылся статическим шумом.

Этого мгновения хватило. Второе существо совершило прыжок, который бросал вызов законам физики. Оно от-

толкнулось от стены, оставив в бетоне глубокие вмятины, и оказалось в воздухе, над позицией Лукаса и Призрака.

— Рассеяться! — рыкнул Аид.

Лукас и Призрак бросились в стороны, открывая огонь из подствольных гранатометов. Термобарические заряды разорвались в воздухе, создав волну сверхвысокого давления и температуры. Огненный шар заполнил коридор, оплавляя бетон.

Но когда дым рассеялся, Аид увидел, как существо стоит на четвереньках. Его хитиновый покров почернел и начал трескаться, но под ним уже нарастала новая ткань. Регенерация. Мгновенная, агрессивная регенерация.

— Лукас, они слишком быстры для стрелкового боя! Держи дистанцию! — крикнул Аид, откатываясь за бетонную колонну и выпуская очередь в третье существо, заставляя его прикрыться.

Но Лукас, чья гордость и тактический опыт базировались на доминировании в ближнем бою, не отступил. Его экзоскелет перешел в режим «Берсерк», отключая ограничители скорости и силы. Сервоприводы взвыли.

— Я срежу его, — прорычал Лукас. Он метнул в сторону существо, которое пыталось обойти его слева, и бросился на ближайшее.

Это было зрелище, которое должно было стать триумфом человеческой инженерии и подготовки. Лукас использовал прием «Вихрь», разработанный в «Кузнице» для нейтрали-

заций противников, превосходящих по массе. Он скользнул под удар костяного лезвия, его правая нога, усиленная сервоприводом, нанесла удар в коленный сустав существа, чтобы лишить его устойчивости, а левая рука, сжатая в кулак с вольфрамовыми накладками, нанесла прямой удар в основание черепа, в зону сенсорных узлов.

Удар был идеальным. Угол, сила, скорость — все рассчитано с точностью до миллиметра.

Но существо не упало.

Оно просто остановило ногу Лукаса своей рукой. Хитиновые пальцы сомкнулись вокруг его ноги с таким давлением, что сервоприводы экзоскелета взвыли и отключились, не выдержав нагрузки. Кость внутри ноги Лукаса хрустнула. Это был сухой, отчетливый звук, который перекрыл даже гул боя.

Лукас закричал. Это был не крик боли, это был крик осознания. Его техника, его сила, его превосходство — все это было ничто.

Существо наклонилось. Его лишенное глаз лицо оказалось в сантиметрах от лица Лукаса. Фиолетовое свечение под мембраной пульсировало. Затем оно ударило.

Это был не удар. Это было движение, которое глаз не мог отследить. Костяное лезвие прошло сквозь грудную пластину экзоскелета Лукаса, сквозь кевларовую броню, сквозь ребра, остановившись в сантиметре от позвоночника. Существо не убило его. Оно *зафиксировало* его. Оно держало Лукаса на весу, как ребенок держит сломанную игрушку.

Аид видел это через камеру на шлеме Лукаса. Его мозг, тренированный анализировать тактические ситуации за доли секунды, выдавал единственный вердикт: *Лукас мертв. Тактика «Атласа» неэффективна. Физическое превосходство противника абсолютно.*

— Майя! Гравитационные гранаты! Режим «Сингулярность»! — заорал Аид, выхватывая из разгрузочной системы сферическое устройство размером с яблоко. Это было не земное оружие. Это была технология, полученная от «Этеро» и адаптированная «Атласом» для экстренных случаев. Она создавала локальное гравитационное поле, способное раздавить танк или разорвать молекулярные связи.

Часть третья. Пересмотр реальности

Майя не стала тратить время на вопросы. Она активировала свой наручный терминал, перенаправляя энергию из батарей экзоскелета в генератор гравитационного импульса. — Радиус поражения — десять метров! Отходите! — крикнула она, бросая на пол две цилиндрические капсулы.

Аид рванулся назад, хватая Призрака за плечо и толкая его в сторону.

Капсулы активировались. Не было взрыва. Не было огня. Пространство в центре коридора просто *схлопнулось*.

Звук исчез. Свет искривился, создавая эффект гравитационного линзирования. Существо, державшее Лукаса, дернулось. Его биомасса, способная поглощать кинетическую энергию и регенерировать от термических повреждений,

оказалась бессильна перед фундаментальным искажением пространства-времени.

Гравитационное поле начало сжимать его. Хитиновые пластины треснули, но не от удара, а от того, что они начали вдавливаться друг в друга. Мышечная ткань рвалась на молекулярном уровне. Существо издало инфразвуковой визг, который заставил носы агентов пойти кровью из-за разницы давлений.

Но даже в агонии оно не отпустило Лукаса. Его костяное лезвие оставалось в груди агента «Атласа».

— Оно тащит его в сингулярность! — крикнула Майя. — Если поле схлопнется, Лукаса разорвет на атомы вместе с ним!

Аид принял решение. Оно было нелогичным с точки зрения сохранения ресурсов. Оно нарушало протокол «Холодный расчет», который гласил, что потерянный агент не должен стоить жизни остальной команде. Но Аид не был просто алгоритмом. Он был Аидом. И он помнил, как Лукас прикрывал его спину в Праге.

— Призрак, Майя, прикрывайте! — Аид отбросил автомат и рванулся к эпицентру.

Его экзоскелет работал на пределе, компенсируя гравитационное притяжение. Каждый шаг давался с трудом, словно он шел против течения мощной реки. Воздух вокруг существа дрожал, искривляясь. Аид видел, как биомасса монстра начинает превращаться в черную, плотную материю, вытяги-

ваемую в невидимую точку.

Он достиг существа. Его перчатки, усиленные вольфрамом, начали плавиться от гравитационного трения. Аид вцепился в костяное лезвие, торчащее из груди Лукаса.

— Лукас! Держись! — прорычал он, активируя сервоприводы экзоскелета на максимум.

Лукас, бледный, с кровью, идущей горлом, лишь слабо кивнул. Его глаза были полны шока. Он, непобедимый Лукас, был побежден не тактикой, не оружием, а самим фактом существования этого монстра.

Аид рванул на себя. Сервоприводы его экзоскелета взвыли и сгорели, издав запах паленой изоляции. Костяное лезвие с хрустом вышло из раны Лукаса. В тот же момент Аид ударил существо ногой в грудь, направляя его прямо в центр гравитационного коллапса.

Существо исчезло. Не улетело, не упало. Оно просто было втянуто в точку, после чего капсулы, исчерпав свой ресурс, взорвались обычной кинетической волной, отбросив Аида и Лукаса на несколько метров назад.

Тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием и сиреной поврежденного экзоскелета Лукаса.

— Майя, статус! — Аид поднялся на одно колено, хватая Лукаса за лямки жилета и таща его в укрытие.

— Капсулы пусты, — ответила Майя, подбегая к ним с медицинской сумкой. — У нас больше нет гравитационных гранат. И... Аид, сканеры показывают, что из центра ком-

плекса к нам движется еще двенадцать сигнатур. И они быстрее первых.

Аид посмотрел на рану Лукаса. Рана была рваной, края обожжены гравитационным трением, но главное — в ране виднелись микроскопические нити биомассы существа, которые пытались проникнуть в кровоток.

— Майя, ампутация. Немедленно. Иначе инфекция доберется до мозга за три минуты, — голос Аида был ледяным. Он не смотрел на лицо Лукаса. Он не мог себе этого позволить.

— Аид... — прохрипел Лукас. — Я... я не успел. Я не смог...

— Заткнись и экономь кислород, — отрезал Аид, выхватывая хирургический лазер из сумки Майи. — Ты жив. А значит, миссия не провалена. Мы уходим. Призрак, ставим мины на сужение коридора. Мы не будем их убивать. Мы их замедлим.

Часть четвертая. Анатомия отступления

Они двигались по коридорам бункера, оставляя за собой след из мин-ловушек и растяжек. Аид нес Лукаса на себе, его экзоскелет работал на резервных мощностях, компенсируя вес раненого. Майя и Призрак прикрывали тыл, их лица были сосредоточенными, но в глазах читался страх. Не страх смерти. Страх неизвестности.

Аид анализировал ситуацию в реальном времени. Его мозг, привыкший к четким алгоритмам, сейчас перестраи-

вал саму парадигму боя. То, что они видели, не укладывалось в известные ему тактические схемы. Существа «Третьей стороны» не просто превосходили их в силе и скорости. Они игнорировали законы биомеханики. Их мышцы работали как не-ньютоновские жидкости, их нервная система bypassed человеческие ограничения, а их регенерация была агрессивнее, чем у любых известных земных организмов.

«Атлас» был создан для войны людей против людей. Или, в лучшем случае, против людей, использующих технологии. Но это... это была война на выживание против нового вида. И старые методы здесь не работали.

— Аид, — голос Майи прервал его размышления. — Они обходят наши мины. Они не активируют их. Они просто... перепрыгивают их. Или разрывают их руками.

Аид остановился. Он посмотрел на карту бункера, проектируемую на его HUD. Они находились в трехстах метрах от выхода. Но коридор, по которому они двигались, был узким. Если существа догонят их здесь, они окажутся в ловушке.

— Призрак, займи позицию на возвышенности в конце коридора. Используй рельсовый ускоритель. Стреляй не по ним, а по стенам. Нам нужно обрушить потолок.

Призрак кивнул и побежал вперед. Через минуту раздался грохот, и часть потолка обрушилась, перекрывая коридор тоннами бетона и арматуры. Но Аид знал, что это задержит их максимум на минуту.

— Майя, сколько времени до полной герметизации выхода?

— Две минуты. Но если они догонят нас здесь...

— Они не догонят, — отрезал Аид. — Мы используем вентиляцию.

— Вентиляция слишком узкая для нас, — возразила Майя.

— Для нас — да. Но не для них, — Аид посмотрел на рану Лукаса. — Их тела адаптируются. Они могут сжимать свои суставы, менять форму. Если они полезут за нами в вентиляцию, мы окажемся в ловушке.

— Тогда что мы делаем? — в голосе Майи впервые прозвучала паника.

— Мы не идем в вентиляцию, — сказал Аид. — Мы идем в реакторный зал.

— Но там... там их двенадцать!

— Там их двенадцать, — согласился Аид. — Но там есть реактор. И если я не ошибаюсь, они используют его не для выработки энергии. Они используют его для инкубации. И если мы нарушим этот процесс...

Аид не закончил фразу. Он просто повернулся и побежал в сторону реакторного зала.

Они ворвались в зал, когда первые существа уже начали пробиваться через завал в коридоре. Реакторный зал был огромным, в его центре пульсировал огромный биологический кокон, связанный с реактором тысячами пульсирую-

щих вен.

— Майя, взломай систему охлаждения реактора. Сбрось его в критический режим.

— Это вызовет тепловой взрыв! Мы сгорим!

— Не сгорим, если успеем дойти до шлюза, — сказал Аид, укладывая Лукаса за бетонной колонной. — Призрак, прикрывай Майю. У нее есть ровно минута.

Майя подключила свой терминал к консоли реактора. Ее пальцы летали по клавишам. Аид и Призрак встали у входа, готовые к последнему бою.

Первое существо ворвалось в зал. Оно увидело кокон и... остановилось. Оно не атаковало их. Оно бросилось к кокону, пытаясь защитить его.

— Они не хотят нас убивать, — понял Аид. — Они хотят защитить инкубатор.

— Призрак, стреляй в кокон!

Призрак нажал на спуск. Вольфрамовый болт пробил кокон. Из него хлынула густая, черная жидкость. Существо издало нечеловеческий визг и бросилось на Призрака.

— Майя, сколько?!

— Тридцать секунд!

Аид открыл огонь, пытаясь отвлечь существо. Но оно было слишком быстрым. Оно сбilo Призрака с ног и занесло костяное лезвие для удара.

В этот момент Майя крикнула: — Готово! Сброс через десять секунд!

Аид выхватил из подсумка последнюю дымовую шашку и бросил ее в лицо существу. Оно на секунду ослепло. Аид рванулся к Призраку, хватая его за жилет и таща к шлюзу.

— Пять секунд!

Они нырнули в шлюз. Аид ударил по кнопке закрытия. Тяжелая стальная дверь начала опускаться. Существо бросилось к ним, но успело просунуть только руку. Дверь с хрустом перерубила ему конечность.

— Три секунды!

Аид схватил отрубленную руку существа и бросил ее в угол шлюза. Рука продолжала двигаться, пальцы сжимались и разжимались.

— Две секунды!

Дверь закрылась с глухим ударом. Механизм герметизации начал работать.

— Одна секунда!

Пол под ними начал вибрировать. Из-за двери послышался глухой удар, а затем рев реактора. Бункер начал трястись.

— Бежим! — крикнул Аид.

Они побежали по коридору к выходу. За их спинами начался тепловой взрыв. Ударная волна догнала их в шлюзе, выбив дверь и швырнув их на бетонный пол выходного коридора.

Они лежали на полу, тяжело дыша. За их спинами бункер продолжал гореть.

— Мы... мы успели, — прохрипел Призрак.

Аид поднялся на ноги. Он посмотрел на рану Лукаса. Нити биомассы перестали двигаться. Они погибли от теплового удара.

— Мы успели, — сказал Аид. — Но мы не победили. Мы просто отступили.

Он посмотрел на своих людей. Они были ранены, измотаны, напуганы. Но они были живы.

— Мы уходим, — сказал Аид. — И мы доложим Триархии. Мы должны изменить правила игры. Потому что старые правила больше не работают.

Они подняли Лукаса и начали подъем на поверхность. За их спинами горел бункер. Но впереди их ждал мир, который они должны были защитить. Мир, который стал намного опаснее, чем они думали.

Часть пятая. Точка сингулярности

Они вышли на поверхность, когда солнце уже начинало садиться, окрашивая снег в кроваво-красный цвет. Холод ударил в лицо, но он был приятен после жара бункера.

Майя уже оказала первую помощь Лукасу. Его нога была ампутирована ниже колена, но он был жив. Призрак отделился ушибами и легким сотрясением мозга.

Аид стоял на краю шахты, глядя на горящий бункер. Дым поднимался в небо, смешиваясь с облаками.

Он достал свой коммуникатор и настроил его на защищенную частоту «Атласа».

— Аид на связи, — сказал он. — Приоритет Альфа. Код:

«Сингулярность».

Голос в наушнике был холодным, синтезированным. *Принято, Аид. Сектор Евразии. Подтвердите визуальный контакт.*

— Подтверждаю, — ответил Аид. — Мы столкнулись с Адептами-Сверхлюдьми. Старые методы не работают. Их биомасса поглощает кинетическую энергию, их регенерация мгновенна. Они не подчиняются законам биомеханики.

Принято. Каковы ваши рекомендации?

Аид посмотрел на Лукаса, который лежал на снегу, сжимая зубы от боли. Он посмотрел на Призрака, который все еще не мог прийти в себя от увиденного. Он посмотрел на горящий бункер.

— Мы должны изменить парадигму, — сказал Аид. — Мы не можем победить их в прямом бою. Мы должны использовать их слабость. Они защищают свои инкубаторы. Они уязвимы к тепловому и гравитационному воздействию. Но главное... мы должны понять, что они здесь не просто солдаты. Они — авангард. И если мы не остановим их здесь, они захватят весь мир.

Принято. Триархия ожидает вашего доклада. Возвращайтесь на базу.

Аид отключил связь. Он посмотрел на небо. Первые звезды уже начали появляться. Но они казались ему не такими, как раньше. Они казались холодными, чужими.

Он понял, что мир, который он знал, закончился. Нача-

лась новая война. Война, в которой «Атлас» был не охотником, а добычей. Но он не собирался сдаваться.

— Подъем, — сказал он своим людям. — Мы уходим.

Они подняли Лукаса и начали спуск с горы. За их спинами горел бункер. Но впереди их ждал мир, который они должны были защитить. Мир, который стал намного опаснее, чем они думали.

Аид шел впереди, его мозг уже анализировал новые тактические схемы. Он понимал, что тяжесть мира (*Pondus sustinet mundum*) только что стала намного тяжелее. Но он был готов нести ее. Потому что иначе некому.

И мир, пока не зная об этом, уже держался на новых плечах.

Глава 4 Архивы Бездны

Часть первая. Спуск в Тартар

Лифт не просто опускался вниз. Он ввинчивался в толщу антарктического ледника и скального основания континента, словно гигантский бур, оставляя за собой километры льда, камня и времени.

Андрей Королёв, известный в закрытых реестрах «Атласа» под позывным Аид, стоял в центре кабины. Его тело было расслаблено, но нейросеть экзоскелета, скрытая под униформой, фиксировала микронапряжение в мышцах, готовое в любую долю секунды перейти в фазу активного противодействия. Кабина была лишена привычных элементов комфорта. Никаких зеркал, никаких мягких панелей. Только голый титан, армированный углеволокном, и тусклый красный свет аварийной подсветки, который не слепил, но заставлял зрачки постоянно адаптироваться, поддерживая нервную систему в тонусе.

Рядом с ним, опираясь на стену, чтобы компенсировать легкую вибрацию спуска, стояла Майя. Её пальцы, тонкие и длинные, неестественно быстрые для обычного человека, нервно перебирали невидимые клавиши на голографическом проекторе, встроенном в манжету левого рукава. Она была лучшим криптографом и специалистом по квантовым системам в Евразийском секторе, но здесь, на пути к Уровню

Омега-Глубина, её гениальность была бессильна. Здесь правила не алгоритмы, а протоколы, заложенные теми, кто не был человеком.

— До нижнего шлюза триста метров, — голос Аида прозвучал ровно, разрезая гудение сервоприводов лифта. — Твоё состояние?

Майя не сразу ответила. Она моргнула, сбрасывая накопившееся напряжение сетчатки, и опустила руку. — Нейроинтерфейс в норме. Температура ядра в пределах нормы. Но я чувствую фон, Аид.

— Какой фон?

— Излучение. Не радиационное. Квантовое. Оно давит на кору. Как будто мы спускаемся не в бункер, а в эпицентр какого-то... мысленного шума.

Аид кивнул. Он тоже это чувствовал. Не ушами, а основанием черепа. Тупая, ноющая пульсация, которая не подчинялась законам физики, но от этого не становилась менее реальной. База «Тартар» была построена не для хранения оружия или содержания пленных. Она была построена вокруг *Того, что было найдено.*

Лифт дернулся, сбрасывая скорость. Гудение трансформаторов сменилось низким, утробным воем гидравлики.

— Проходим слой скального основания, — доложил синтезированный голос ИИ базы. — Инициирование протокола биометрической верификации уровня Омега.

Кабину заполнил тонкий туман — сканеры считывали не

только сетчатку и отпечатки пальцев, но и микробиом кожи, химический состав выдоха, даже ритм сердечных сокращений и нейронные паттерны. Аид чувствовал, как тонкие иглы сканеров считывают его ДНК через поры кожи. Это было неприятно, но необходимо. Уровень Омега-Глубина не существовал на чертежах «Атласа». О нём знали только Директора секторов и те, кто имел допуск, полученный ценой крови.

— Верификация пройдена. Добро пожаловать на Уровень Омега-Глубина, Директор Королёв. Специалист Майя.

Двери с шипением разъехались, открывая не коридор, а шлюз. Воздух, ворвавшийся в кабину, был иным. Он не пах сыростью или затхлостью подземелья. Он пах озоном, перегретым металлом и чем-то ещё — чем-то древним, холодным и чужим. Запах, от которого на коже выступала мелкая, частая дрожь.

— Идем пешком, — скомандовал Аид, *step out of the elevator*. — Камеры на нижнем уровне отключены. ИИ не видит нас дальше шлюза. Мы сами по себе.

Они ступили на платформу. Впереди чернел тоннель, вырубленный в скальной породе, но стены его были не просто голым камнем. Они были покрыты странным, матовым налетом, который поглощал свет их тактических фонарей.

— Что это за покрытие? — спросила Майя, направляя луч фонаря на стену. Свет не отражался, он словно вяз в поверхности.

— Это не покрытие, — ответил Аид, не останавливаясь.
— Это материал, из которого построен сам объект. «Этеро» не строили здания. Они их *выращивали*. Или формировали. Мы до сих пор не знаем, как они меняли молекулярную решетку этого вещества. Знаем только одно: оно не проводит тепло, не проводит электричество и не поддается рентгену.

Они шли в тишине, нарушаемой лишь их шагами и гулким дыханием Майи. Тоннель постепенно расширялся, переходя в огромный зал. И вот здесь Аид остановился. Даже он, человек, видевший самые сложные тактические головоломки и самые жестокие боины, почувствовал, как его мозг на долю секунды отказался обрабатывать визуальную информацию.

Зал не имел привычной геометрии. Углы стен сходились под углами, которые казались неправильными, вызывая легкое головокружение и тошноту. Пространство казалось искривленным, словно гравитация здесь имела собственное, независимое мнение. Потолок терялся во мраке, а пол был покрыт странными, пульсирующими прожилками, которые тускло светились мертвенно-голубым светом.

— Неевклидова топология, — прошептала Майя, её голос дрожал. — Мозг пытается достроить картину, но не может. Это... это больно смотреть.

— Смотри на пол, — жестко приказал Аид. — Не пытайся сфокусироваться на стенах. Иди за мной. Шаг в шаг.

Часть вторая. Интерфейс Бездны

В центре зала возвышался постамент. Он не был похож на алтарь или пьедестал. Это была идеальная геометрическая фигура, состоящая из множества граней, которые медленно, почти незаметно вращались, не касаясь друг друга. В центре этой фигуры, паря в вакууме, находился сам Кристалл.

Это не был кристалл в человеческом понимании. Это был сгусток застывшего света, твердая материя, состоящая из чистых квантовых состояний. Он пульсировал в ритме, который совпадал с той самой пульсацией, что Аид чувствовал в лифте. Только здесь, вблизи, этот ритм был оглушительным.

— Это он, — выдохнула Майя. Её глаза были широко раскрыты, зрачки расширены до предела. Нейроинтерфейс на её руке начал издавать тихое, высокочастотное пищание. — Аид, фон зашкаливает. Если я подключусь напрямую, нейросеть может не выдержать. Это не просто данные. Это... это чье-то сознание, записанное на квантовом уровне.

— У нас нет выбора, Майя, — Аид подошел к постаменту. Он чувствовал, как холод emanating от Кристалла пробирает сквозь термозащиту экзоскелета. — «Пантеон» активировал спящие ячейки в Гренландии. Мы видим, как они извлекают оттуда биоматериал, но не понимаем, что это и зачем. Этот Кристалл — единственный ключ к их логике. Подключайся.

Майя кивнула. Она сделала глубокий вдох, достала из кобуры на поясе тонкий, гибкий кабель с нейронным шунтом на конце. Её руки дрожали, но движения были точными. Она нашла порт на своем затылке, скрытый под волосами, и с

щелчком ввела шунт.

Её тело напряглось. Спина выгнулась, зубы стиснулись так сильно, что побелели скулы. Из уголка её левого глаза медленно потекла тонкая струйка крови.

— Майя! — Аид шагнул вперед, готовый вырвать кабель.

— Не трогай! — выдохнула она сквозь стиснутые зубы. Её голос звучал не как её собственный. В нем появились металлические, синтетические нотки. — Если разорвешь связь... мой мозг просто сварится. Я... я вижу их.

Аид замер. Он встал рядом с ней, положив руку на её плечо, готовый в любой момент поддержать её, если она упадет. Он смотрел на Кристалл. Тот начал менять цвет. Мертвенно-голубой сменился на глубокий, багровый, а затем на ослепительно-белый.

— Инициализация переводящей матрицы, — голос Майи стал ровным, но в нем не было жизни. Это был голос машины, которая транслирует чужие мысли. — Матрица «Атлас-Этеро». Синхронизация... десять процентов.

Воздух вокруг постамента начал сгущаться. Свет от Кристалла не просто освещал пространство, он формировал его. Частицы пыли, молекулы воздуха, даже свет от их фонарей начали закручиваться в вихри, формируя трехмерные изображения. Это была не голограмма в привычном смысле. Это была манипуляция гравитацией и светом на субатомном уровне.

— Тридцать процентов. Синхронизация нейронных пат-

тернов. Боль... боль нормализуется. Я привыкаю.

Перед ними развернулась картина. Они не просто смотрели на неё. Они *чувствовали* её. Аид почувствовал холод космоса, вакуум, который не просто пуст, а наполнен невидимыми течениями и течениями. Он почувствовал время, которое здесь текло не линейно, а слоями.

— Это их история, — прошептала Майя. Её глаза были закрыты, но она видела всё. — «Этеро». Они называют себя «Сияющие». Они не биологический вид в нашем понимании. Они... энергетические паразиты? Нет. Симбионты. Они живут в квантовых полях звезд.

Голограмма изменилась. Аид увидел галактику. Миллиарды звезд. И среди них — «Этеро». Они были похожи на огромные, светящиеся медузы, размерами с планеты, плывущие в потоках космической радиации. Они не строили корабли. Они *были* кораблями. Они пели, и их песни изменяли гравитацию, позволяя им перемещаться между звездами.

— Они были мирными, — голос Майи дрогнул. — Они наблюдали. Они сеяли жизнь. Они... они садовники.

Часть третья. Жнецы и Инкубатор

Картина сменилась. Свет «Этеро» начал мерцать, тускнеть. Из глубин галактики, из зон, где квантовые поля были нестабильны и темны, пришла *Они*.

Аид почувствовал холод. Не физический холод космоса, а холод абсолютного, хищного зла. Это было чувство, которое передавалось через Кристалл, записанное миллионы лет

назад.

«Третья сторона». «Этеро» называли их «Жнецами».

Они не были похожи на светящихся медуз. Они были биологическими машинами, чудовищным слиянием плоти, хитина и темной материи. Их корабли выглядели как гигантские, паразитические организмы, питающиеся энергией звезд. Они не пели. Они жрали.

Аид наблюдал за битвой, которая длилась тысячелетия. «Этеро» были мудрыми и могущественными, но они не были воинами. Они не понимали жестокости. «Жнецы» же были воплощением абсолютной, холодной эффективности. Они не ненавидели «Этеро». Они просто использовали их как ресурс.

Голограмма показала, как корабли «Жнецов» атакуют колонии «Этеро». Они не просто уничтожали их. Они *поглощали* их квантовые поля, перерабатывая их энергию для своих нужд. «Этеро» отступали, оставляя за собой выжженные, мертвые сектора галактики.

— Они проиграли, — прошептала Майя. Кровь из её носа уже текла по подбородку, но она не обращала внимания. — «Этеро» отступили в другие галактики. Они оставили эту галактику Жнецам. Но перед уходом... они оставили кое-что.

Картина сузилась, фокусируясь на одной, неприметной желтой звезде. На Солнце. А затем — на третьей планете. На Земле.

Аид напрягся. Он ждал увидеть стратегическую базу,

склад оружия, маяк. Но то, что он увидел, заставило его тактическое мышление, отточенное годами, дать сбой.

Земля не была базой. Земля была *инкубатором*.

Голограмма показала миллионы лет эволюции. «Этеро» не просто сеяли жизнь на Земле. Они *лепили* её. Они направляли эволюцию, создавая уникальные генетические комбинации. Они создавали виды с уникальными нейронными связями, с уникальной структурой ДНК, способной взаимодействовать с квантовыми полями.

— Зачем? — спросил Аид вслух, хотя знал, что ответ уже звучит в его голове через нейроинтерфейс Майи.

— Потому что «Жнецы» не могут питаться обычной биомассой, — ответила Майя, её голос звучал как эхо из бездны. — Им нужна сложная, уникальная нейронная и генетическая структура. «Этеро» создавали Землю как сад. Как инкубатор для создания уникальных генетических кодов. Но «Жнецы» нашли этот сад. И они не стали его уничтожать. Они решили использовать его.

Голограмма показала, как на Земле появляются первые «Жнецы». Не в виде кораблей, а в виде микроскопических паразитов, которые внедрялись в ДНК ранних гоминид. Они не уничтожали человечество. Они *модифицировали* его.

Аид почувствовал, как по спине бежит ледяной пот. Вся история человечества, вся эволюция, все войны, все достижения — всё это было не случайностью. Это был процесс созревания. «Жнецы» внедряли в ДНК фрагменты своего кода,

создавая мутации. Иногда эти мутации проявлялись в виде гениальности, иногда — в виде безумия. А иногда... иногда они создавали «сверхлюдей».

— «Пантеон», — выдохнул Аид. Вся картина suddenly сложилась.

Да. «Пантеон». Они не просто тeneвая структура, стремящаяся к мировому господству. Они — *caretakers*. Смотрители. Или, что еще хуже, коллаборационисты.

Голограмма показала, как «Жнецы» установили контакт с определенными группами людей на Земле. С теми, чья ДНК была наиболее сильно модифицирована. С теми, кто обладал холодным, расчетливым умом и отсутствием эмпатии. «Жнецы» дали им технологии. Не для того, чтобы помочь человечеству, а для того, чтобы ускорить процесс «созревания».

«Сверхлюди», которых «Пантеон» создавал в своих лабораториях, используя технологии «Жнецов», были не новым этапом эволюции человечества. Это были *плоды*. Созревшие фрукты, готовые к сбору урожая.

— Они собирают нас, — голос Майя прервался. Нейроинтерфейс начал издавать громкий, пронзительный писк. — Аид... синхронизация на девяносто процентов. Я вижу... я вижу протокол сбора. Когда популяция «созревших» достигнет критической массы... они начнут Жатву.

— Когда? — спросил Аид, его голос был твердым, но внутри всё холоднело.

— Скоро, — Майя дернулась. — Очень скоро. «Пантеон» уже начал активную фазу. Они создают «сверхлюдей» не для войны с нами. Они создают их, чтобы отметить тех, кто готов к сбору. Те, кто не выдержит модификаций... те просто умрут. А те, кто выдержит... те станут пищей.

— Отключайся, Майя! Немедленно!

Аид рванулся к ней, но было поздно. Кристалл вспыхнул ослепительно-белым светом. Нейроинтерфейс Майи с треском взорвался, посылая во все стороны искры синего плазмы.

Девушку отбросило назад. Она ударилась о стену, сползла на пол и потеряла сознание. Кровь из её носа и ушей залила пол.

Кристалл погас. Голограмма исчезла. Зал снова погрузился в полумрак, нарушаемый лишь светом их тактических фонарей и тусклым, мертвенно-голубым пульсированием Кристалла.

Часть четвертая. Бремя Истины

Аид бросился к Майе. Он опустился на одно колено, проверяя её пульс. Он был слабым, но стабильным. Нейроинтерфейс был выжжен, но её мозг, к счастью, не пострадал критически. Он достал из аптечки на поясе нейро-стимулятор и ввел ей в шею.

Майя слабо застонала, её веки затрепетали. Она открыла глаза, и в них не было прежней ясности. Они были мутными, испуганными.

— Аид... — прошептала она. — Я видела... я видела, как они приходят.

— Тихо, — Аид подхватил её, поднимая на руки. Она была легкой, но её вес сейчас казался ему непомерным. — Мы уходим. Немедленно.

Он повернулся к постаменту. Кристалл всё ещё пульсировал. Аид знал, что они не могут его уничтожить. Это был единственный источник информации о «Жнецах». Но он также знал, что «Пантеон» знает о его существовании. Они не могли активировать его сами, потому что у них не было нейроинтерфейсов, способных выдержать связь с «Этеро». Но они могли попытаться захватить базу.

Аид достал с пояса термическую гранату. Он установил её на минимальную мощность — не для уничтожения, а для блокировки. Он прикрепил её к основанию постамента.

— Мы вернемся, — прошептал он Кристаллу. — И мы найдем способ убить ваших Жнецов.

Он активировал гранату. Таймер начал обратный отсчет. Аид понес Майю обратно через зал с искривленной геометрией. Его мозг отказывался воспринимать неевклидовы углы, вызывая тошноту и головокружение, но он заставлял себя идти, фокусируясь на дыхании Майи, на её слабом пульсе на своей шее.

Они достигли шлюза. Аид ввел код экстренной эвакуации. Двери с шипением закрылись за ними, и лифт начал подъем.

— Термическая блокировка активирована, — доложил

ИИ базы. — Доступ к Уровню Омега-Глубина заблокирован на семьдесят два часа.

Аид прислонился к стене кабины, осторожно удерживая Майю. Он закрыл глаза, и перед ним снова встала картина голограммы. Земля. Инкубатор. Жатва.

Вся его жизнь, вся его борьба с «Пантеоном», все жертвы, которые он принес, всё это было не войной за свободу человечества. Это была война за то, чтобы человечество не стало кормом для космических паразитов.

«Пантеон» не был просто группой предателей. Они были частью экосистемы «Жнецов». Архитекторы, Технократы, Адепты — все они были либо модифицированы, либо находились под контролем тех, кто служил Жнецам. Они создавали «сверхлюдей» не для того, чтобы править миром. Они создавали их, чтобы отметить спелые плоды.

— Аид... — голос Майя был слабым, но в нем вернулась ясность. — Если «Пантеон» работает на них... если они создают «сверхлюдей» для Жатвы... то что мы можем сделать? Мы не можем победить их. Они... они боги.

— Они не боги, — ответил Аид, его голос был твердым, как сталь. Он открыл глаза и посмотрел на неё. — Они паразиты. А паразитов можно убить. Нужно только понять, как они дышат, как они питаются, как они связаны со своими носителями. И мы поймем. Мы изучим этот Кристалл. Мы найдем их слабое место.

Лифт дернулся, останавливаясь на промежуточном уров-

не. Двери открылись, и они вышли в привычный, бетонный коридор базы «Тартар». Здесь не было искривленной геометрии, не было чужого холода. Здесь пахло бетоном, машинным маслом и человечностью.

Медик базы уже ждал их. Он взял Майю на руки, уложил на носилки.

— С ней всё будет в порядке, Директор, — сказал медик. — Нейроинтерфейс выжжен, но мозг не пострадал. Ей нужен отдых.

Аид кивнул. Он смотрел, как носилки увозят Майю. Он чувствовал себя опустошенным, но внутри него, под слоем шока и ужаса, разгорался холодный, тактический гнев.

Он достал свой коммуникатор и набрал прямой канал на Триархию.

— Директор Королёв, — ответил голос Директора Островного домена, Моргена. — Ваш доклад.

— Мы активировали Кристалл, — голос Аида был ровным. — Мы получили информацию. «Этеро» и «Третья сторона» — враждующие виды. Земля — инкубатор. «Пантеон» — коллаборационисты. Они создают «сверхлюдей» для Жатвы.

На том конце линии повисла тишина. Долгая, тяжелая тишина.

— Вы уверены, Аид? — наконец произнес Морген. Его голос потерял привычную надменность. В нем звучало что-то похожее на страх.

— Я видел это своими глазами, — ответил Аид. — «Пантеон» не хочет править миром. Они хотят собрать урожай. И они уже начали.

— Что вы предлагаете? — спросил Морген.

Аид посмотрел на свои руки. Они были чистыми, но он чувствовал на них кровь миллионов людей, которые даже не подозревали, что они — всего лишь скот в космическом инкубаторе.

— Мы меняем правила игры, — ответил Аид. — Мы больше не играем в теневые войны с «Пантеоном». Мы начинаем охоту. Мы найдем всех «сверхлюдей». Мы изучим их ДНК. Мы найдем связь с «Жнецами». И мы перережем эту связь.

— Это объявление войны не только «Пантеону», но и... им, — голос Моргена дрогнул.

— Мы уже в состоянии войны, Морген, — ответил Аид. — Мы просто этого не знали. Готовьте станцию «Страж». Нам нужна орбитальная платформа. Нам нужно место, где мы сможем изучать «сверхлюдей» без вмешательства «Пантеона». И нам нужно время.

— Я понял, Аид, — ответил Морген. — «Страж» будет построен. Но... вы понимаете, что если мы проиграем...

— Мы не проиграем, — перебил его Аид. — Потому что у нас есть то, чего нет у «Жнецов». У нас есть свобода воли. А у них — только инстинкт. А инстинкт можно обмануть.

Он отключил связь.

Аид стоял в коридоре базы, глядя на бетонные стены. Тя-

жесть, которую он нес, изменилась. Раньше это была тяжесть ответственности за судьбы людей. Теперь это была тяжесть ответственности за судьбу всего вида.

Pondus sustinet mundum. Тяжесть держит мир.

Но теперь он знал, что мир — это не просто планета. Это сад. И они — не просто садовники. Они — яд, который должен убить паразитов, прежде чем те сожрут сад изнутри.

Он повернулся и пошел в сторону медицинского отсека, чтобы навестить Майю. У него было много работы. И времени у них оставалось катастрофически мало. Жнецы уже приближались. И «Атлас» должен был быть готов к Жатве.

Глава 5 Архитектор роя

Часть первая. Анатомия чужеродного

Подземный уровень 4, сектор Евразии. Секция биологической изоляции.

Воздух здесь не просто очищался; он стерилизовался до состояния, близкого к вакууму, но все равно тяжелый, пропитанный химическим запахом формальдегида, озона и той неуловимой, сладковатой ноткой, которая теперь навсегда ассоциировалась у Аида с запахом смерти. Не человеческой смерти. Чего-то иного.

Операционный стол из матового титана занимал центр помещения. Под потолком, гудя на низких частотах, висел массивный голографический проектор, заливающий стол холодным, голубоватым светом. На столе лежало то, что осталось от существа, которое Лукас и его группа сняли с периметра заброшенного объекта «Пантеона» под Минском.

Майя стояла у пульта управления, ее пальцы танцевали по голографической клавиатуре, оставляя в воздухе светящиеся следы команд. Она не смотрела на тело. Она смотрела на данные. Ее собственный нейронный интерфейс, скрытый под кожей виска, едва заметно пульсировал синим — признак того, что ее мозг обрабатывал потоки информации, с которыми не справился бы ни один классический суперкомпьютер «Атласа».

— Кросс был прав, — голос Майи был ровным, но в нем слышалось напряжение, которое она привыкла прятать за сухим тоном. — Это не просто генетическая модификация. Это не мутация и не результат работы «Наследия Феникса». Это... интеграция.

Аид стоял по другую сторону стола. Его лицо, освещенное голубым светом голограммы, казалось высеченным из камня. Он не моргал. Его взгляд был прикован к тому, что проектор выделял красным контуром — нервной системе существа.

— Расшифруй термин, Майя, — произнес Аид. Его голос был тихим, но он заполнял собой всю комнату, не оставляя места для посторонних мыслей.

Майя взмахнула рукой, и голограмма над телом изменилась. Человеческая плоть стала полупрозрачной, и Аид увидел то, что скрывалось под кожей. Это было не просто скопление нервов. Это была сеть. Тончайшие, светящиеся нити, сплетенные в сложный, математически выверенный узор, пронизывали каждую мышцу, каждую кость, каждый орган. Они не просто заменяли нервную систему; они дублировали ее, создавая второй, параллельный контур управления.

— Третья сторона не просто вшила им чужеродную ДНК, — Майя остановила вращение голограммы, увеличив масштаб до синапсов. — Они создали синтетическую нейронную сеть. Она работает на биохимической основе, но подчиняется алгоритмам, которые... которые не имеют аналогов в

земной биологии. Это не биология, Аид. Это биологический компьютер.

Аид наклонился ближе. Он видел, как эти синтетические нити сходились в одной точке — в основании черепа, там, где у человека находился ствол мозга. Но здесь этот узел был разветвлен, словно корневая система дерева.

— Что это за узел? — спросил он.

— Мы не знаем, — призналась Майя. — Он не поддается сканированию. Он поглощает излучение. Но судя по плотности связей, это не просто приемник. Это передатчик.

Аид выпрямился. Он понял. Он понял, почему эти существа двигались так. Почему они действовали не как отдельные бойцы, а как единый механизм. Почему, когда один из них падал, остальные мгновенно перестраивали тактику, не тратя времени на визуальный контакт или голосовые команды.

— Они не просто связаны, — тихо произнес Аид, и в его голосе прорезалась сталь. — Они синхронизированы. Это не отряд. Это конечности одного организма.

Он повернулся к Майе. — Найди источник сигнала. Найди, куда идет этот поток данных.

Майя кивнула, ее пальцы снова замерцали над клавиатурой. — Сигнал зашифрован. Он использует квантовое запутывание, но... он не идет напрямую в космос. Он идет на Земле. Он идет в точку, которая находится всего в четырехстах километрах отсюда. В секторе, который мы считаем мерт-

ВЫМ.

Аид посмотрел на голографическую карту Евразии, которая тут же материализовалась в воздухе. Красная точка пульсировала в районе заброшенных промышленных зон на границе Беларуси и Украины. Территория, которую «Пантеон» контролировал десятилетиями, но которая считалась просто логистическим узлом.

— Это не логистический узел, — сказал Аид. — Это улей. И у него есть королева. Или... Архитектор.

Часть вторая. Досье Архитектора

Кабинет Директора Евразийского сектора находился на уровне 2, в самом сердце бункера «Нексус». Здесь не было окон, только стены, покрытые звукопоглощающим материалом, и массивный стол из черного дерева, на котором сейчас лежал единственный источник света — голографический проектор, транслирующий досье.

Аид сидел в кресле, откинувшись на спинку. Его глаза были закрыты, но он не спал. Он слушал.

Голос, который звучал в его наушниках, был записан три дня назад. Это был перехват с закрытого канала «Пантеона», который Майя взломала ценой бессонных суток и трех перегоревших квантовых процессоров. Голос был спокойным, ровным, лишенным эмоций. Но в нем было что-то еще. Что-то, что заставляло инстинктивную часть мозга Аида напрягаться, словно перед лицом скрытой угрозы.

«Эволюция — это не случайный процесс, — говорил го-

дос. — Это целенаправленное движение от хаоса к порядку. Человечество застряло в колыбели. Оно цепляется за свои примитивные инстинкты, за свои жалкие национальные границы, за свою иллюзию свободы. Мы должны вывести его на следующий уровень. Мы должны стать его проводниками».

Аид открыл глаза и посмотрел на голограмму. На нем было лицо мужчины. Средних лет, с правильными, почти классическими чертами лица. Волосы серебристые, глаза светлые, почти прозрачные.

Юлиан Вейн. Бывший Архитектор «Пантеона». Куратор Восточноевропейского сектора. Философ, теоретик, человек, который, по данным разведки, никогда не брал в руки оружие. Человек, который верил, что хаос — это холст, а «Пантеон» — художник.

Но это было до. До того, как он нашел то, что ждало его в глубинах Тихого океана, в затонувшем объекте, который «Этеро» наблюдали тысячи лет, но так и не решились тронуть.

Аид активировал следующий файл. Это были медицинские записи, перехваченные из личной лаборатории Вейна.

«Интеграция завершена на 87%, — читал Аид сухой текст медицинского отчета. — Синтетическая нейронная сеть полностью интегрирована с центральной нервной системой. Болевой порог увеличен в 400 раз. Когнитивные способности расширены до предела, дозволенного биологиче-

ским носителем. Наблюдается феномен «роя». Носитель способен устанавливать нейронную связь с другими интегрированными субъектами на расстоянии до 50 километров. Задержка сигнала минимальна. Субъект больше не является отдельной личностью. Он — узел».

Аид откинулся на спинку кресла. Он понял. Вейн не просто модифицировал себя. Он стал частью сети. Он стал тем самым узлом, который Майя искала. Он не просто командовал сверхлюдьми; он *был* ими. Он чувствовал то, что чувствовали они. Он видел то, что видели они.

Это объясняло все. Объясняло, почему операции «Атласа» против них проваливались. Они не могли перехватить их приказы, потому что приказы передавались не по радиоканалам, а через нейронную сеть. Они не могли предугадать их тактику, потому что тактика рождалась не в голове одного командира, а в результате мгновенного, параллельного вычисления сотен разумов, объединенных в единый кластер.

Дверь в кабинет бесшумно открылась. Вошел Лукас. Его массивная фигура заполнила собой половину комнаты. На его лице, обычно невозмутимом, читалось напряжение.

— Мы нашли их, — сказал Лукас. Его голос был низким, как гул трансформатора. — Группа наблюдения засекла движение в секторе 4-Б. Двенадцать целей. Двигаются синхронно. Как стая.

Аид кивнул. Он не удивился. Он ждал этого. — Покажи мне.

Лукас кивнул, и голограмма над столом изменилась. Карта Евразии исчезла, уступив место live-трансляции с беспилотного дрона-невидимки, зависшего над заброшенным промышленным комплексом.

Часть третья. Анатомия роя

На экране, в сером свете пасмурного дня, двигались фигуры. Их было двенадцать. Они были одеты в одинаковые, серые комбинезоны, сливающиеся с цветом бетона и ржавого металла. Они не бежали. Они не крались. Они двигались с пугающей, математической точностью.

Аид смотрел на их перемещения, и его тактический гений, отточенный годами тренировок в «Кузнице» и реальными операциями, отмечал каждую деталь.

— Смотри на их интервалы, — тихо произнес Аид.

Лукас нахмурился, вглядываясь в экран. — Они держат дистанцию ровно в три метра. Ни больше, ни меньше.

— Смотри, как они обходят препятствия, — продолжил Аид.

На экране первая фигура, не останавливаясь и не замедляя шага, плавно изменила траекторию, обходя ржавую бочку. В ту же секунду, не сговариваясь, не подавая никаких сигналов, все остальные одиннадцать фигур синхронно сместились на полшага вправо, сохраняя идеальный строй и дистанцию. Это было не похоже на движение отряда. Это было похоже на движение жидкости. Или на полет стаи скворцов.

— Они не думают, — сказал Лукас, и в его голосе проре-

залось то, что он редко позволял себе проявлять — сомнение. — Они реагируют. Но не как люди. Как... как один организм.

— Потому что они и есть один организм, — ответил Аид. — Вейн — это их мозг. Они — его руки и ноги. Он не отдает приказы. Он просто *думает* о движении, и их тела выполняют его волю, обходя сознание. Их сознание отключено. Они находятся в трансе, подключенные к его нейронной сети.

Кросс, который до этого молча стоял у двери, шагнул вперед. Его лицо было мрачным. — Если Вейн — это мозг, то как мы его остановим? Мы не можем просто убить двенадцать солдат. Если мы убьем Вейна, что будет с ними? Останутся ли они в живых? Или их мозг просто отключится, как у марионеток, у которых обрезали нити?

Аид посмотрел на Кросса. — Мы не знаем. Но мы не можем рисковать. Если Вейн доберется до крупного населенного пункта, он сможет интегрировать тысячи людей. Его сеть вырастет экспоненциально. Он сможет управлять целыми городами.

— Тогда у нас нет выбора, — сказал Лукас. — Мы должны взять его живым. Нам нужно понять, как работает эта сеть. Как ее разорвать.

Аид кивнул. Он понимал, что Лукас прав. Но он также понимал, что взять живым существо, которое чувствует боль в сорок раз слабее человека и которое может координировать действия двенадцати тел, будет практически невозможно.

— Мы не будем брать его живым, — тихо произнес Аид.

— Мы будем брать его сеть. Мы должны найти способ## (перерезать) его связь с ними. Мы должны ослепить его.

Кросс нахмурился. — Как? Мы не можем глушить нейронную сеть. Она работает на биохимии.

— Нет, — ответил Аид, его глаза снова вернулись к голограмме, к пульсирующей красной точке в центре карты. — Она работает на биохимии, но управляется квантовым алгоритмом. А у любого квантового алгоритма есть частота резонанса. Если мы найдем эту частоту, мы сможем создать помеху. Мы сможем вызвать «белый шум» в его голове.

Кросс посмотрел на Майю, которая стояла у пульта. — Ты можешь это сделать?

Майя не сразу ответила. Ее пальцы замерли над клавиатурой. — Мне нужно больше данных. Мне нужно записать их нейронную активность в момент, когда они действуют синхронно. Мне нужно увидеть, как они думают.

— Тогда мы дадим тебе эту возможность, — сказал Аид. — Мы не будем прятаться. Мы выйдем на них. Мы заставим их действовать. Мы заставим Вейна раскрыть свою сеть.

Лукас усмехнулся. В его усмешке не было радости. Только холодная решимость. — Ты хочешь использовать нас как приманку.

— Я хочу использовать вас как скальпель, — ответил Аид. — Мы разрежем его сеть. А потом доберемся до мозга.

Часть четвертая. Голос из улья

Операция началась в три часа ночи.

Группа Лукаса, состоящая из шести лучших бойцов «Атласа», выдвинулась к периметру промышленного комплекса. Аид находился в мобильном командном центре, который был развернут в трех километрах от цели. Он сидел перед стеной мониторов, его мозг был подключен к тактическому интерфейсу, который транслировал ему не только видео, но и биометрические данные его бойцов.

— Группа Альфа на позиции, — голос Лукаса прозвучал в наушниках. — Визуальный контакт. Двенадцать целей. Они... они стоят. Они не двигаются.

Аид посмотрел на экран. Двенадцать фигур стояли в идеальном кругу, лицом друг к другу. Они не спали. Они не отдыхали. Они просто стояли, как статуи.

— Они в режиме ожидания, — сказала Майя, ее голос дрожал от напряжения. — Их нейронная активность минимальна. Они ждут команды.

— Дайте им команду, — тихо произнес Аид. — Лукас, открой огонь. Травматическими зарядами. Нам нужно, чтобы они почувствовали боль. Нам нужно, чтобы Вейн отреагировал.

Лукас не стал задавать вопросов. Раздался глухой треск специализированных винтовок. Две фигуры в кругу упали, их тела дернулись от ударов электрических зарядов.

И тогда произошло то, чего Аид ждал, но чего его разум отказывался принимать до конца.

Оставшиеся десять фигур не просто отреагировали. Они *преобразились*. Их движения стали не просто синхронными; они стали хаотичными, непредсказуемыми, но при этом идеально скоординированными. Они бросились к группе Лукаса, но не прямой линией. Они двигались зигзагами, используя каждый камень, каждую тень, прикрывая друг друга с математической точностью.

— Они идут на сближение! — крикнул Лукас. — Огонь!

Раздался треск выстрелов. Еще три фигуры упали. Но остальные семь продолжали advance, их движения стали еще более изошренными. Один из них, получив попадание в плечо, даже не замедлил шаг, его тело просто скомпенсировало потерю мышцы, перераспределив вес.

— Майя, мне нужны данные! — крикнул Аид.

— Я записываю! — ответила Майя. — Их нейронная активность взлетела! Они действуют как единый кластер! Я вижу частоту... я вижу паттерн! Но он слишком сложен! Он меняется каждую миллисекунду!

В этот момент, прямо в наушниках Аида, раздался голос.

Это был не голос Лукаса. Это был не голос Майи. Это был голос, который звучал одновременно из всех каналов связи, из всех динамиков в командном центре. Голос был спокойным, ровным, лишенным эмоций. Но в нем было что-то еще. Что-то, что заставляло кровь стечь в жилах.

«Зачем вы делаете это, Директор Евразии?»

Аид замер. Его рука замерла над пультом. — Кто это? —

спросил он, хотя уже знал ответ.

«Я — тот, кто видит дальше, — ответил голос. — Я — Юлиан Вейн. И я вижу тебя, Аид. Я вижу твоих людей. Я чувствую их страх. Я чувствую их боль. Зачем ты заставляешь их страдать?»

Аид сжал кулаки. Он понял. Вейн не просто управлял ими. Он *чувствовал* их. Через нейронную сеть он чувствовал каждую боль, каждую эмоцию своих подчиненных. И он использовал это.

— Ты не чувствуешь их, — холодно произнес Аид. — Ты используешь их. Ты превратил их в рабов своей воли.

«Рабы? — в голосе Вейна прозвучало что-то похожее на искреннее удивление. — Нет, Аид. Они свободны. Свободны от страха. Свободны от сомнений. Свободны от своего жалкого, эгоистичного «я». Они часть чего-то большего. Они часть меня. Мы — единое целое. Мы — эволюция».

— Ты не эволюция, — ответил Аид. — Ты — болезнь. Ты — рак, который пожрал свой организм.

«А ты — защитник больного организма, — парировал Вейн. — Но организм умирает, Аид. Человечество разрушает себя. Оно не способно к единству. Оно обречено на хаос. Мы предлагаем порядок. Мы предлагаем Жатву. Мы соберем лучших. Мы интегрируем их в сеть. И мы создадим новый мир. Мир без боли. Мир без страданий. Мир без тебя».

Аид понял. «Жатва». Это была не просто операция. Это был глобальный план. Вейн планировал не просто захватить

власть. Он планировал интегрировать миллионы людей в свою сеть. Он планировал создать новый вид. Вид, который будет подчиняться только ему.

— Ты не создашь новый мир, — тихо произнес Аид. — Ты создашь кладбище.

«Посмотрим, — ответил Вейн. — Твои люди храбры. Но они всего лишь люди. А я — бог».

Связь оборвалась.

Аид посмотрел на экран. Группа Лукаса была окружена. Оставшиеся семь фигур атаквали с разных сторон, их движения были идеальны. Они не стреляли на бегу; они останавливались, стреляли, и снова двигались, используя тактику, которую не смог бы предугадать ни один земной тактик.

— Майя, — сказал Аид, его голос был ледяным. — Ты нашла частоту?

— Да! — крикнула Майя. — Я нашла несущую частоту! Но чтобы создать помеху, мне нужно усилить сигнал! Мне нужно подключить все наши квантовые процессоры!

— Делай, — приказал Аид. — Лукас, держись! Мы ослепим его!

Часть пятая. Бремя Директора

Командный центр погрузился в гул. Все квантовые процессоры «Нексуса» были брошены на создание помехи. Майя работала как одержимая, ее пальцы мелькали над клавиатурой, ее нейронный интерфейс пульсировал так ярко, что, казалось, она вот-вот потеряет сознание.

На экране произошло нечто невообразимое.

Семь фигур, которые атаковали группу Лукаса, внезапно замерли. Их движения, которые до этого были идеальны, стали дергаными, неуклюжими. Они зашатались, словно пьяные. Один из них упал, другой схватился за голову, его тело начало биться в конвульсиях.

— Помеха работает! — крикнула Майя. — Их сеть разрушена! Они отключены от Вейна!

— Лукас, бери их! — крикнул Аид.

Группа Лукаса бросилась вперед. Без сопротивления, без тактики, они просто сбили с ног дезориентированных существ, надев на них парализующие кандалы.

Аид выдохнул. Он откинулся на спинку кресла, чувствуя, как по его телу разливается усталость. Но он знал, что это только начало. Они отключили Вейна от его солдат. Но они не убили его. И теперь Вейн знал, что «Атлас» знает о нем. Он знал, что они знают о «Жатве».

Дверь в командный центр открылась. Вошел Кросс. Его лицо было мрачным. — Мы взяли их. Но Вейна среди них нет.

Аид кивнул. Он ожидал этого. — Он не стал рисковать. Он наблюдает за нами. Через них. Через сеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.